

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖКОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И
ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

(Научный доклад)

Москва
ИМЭМО РАН
2014 год

УДК 327(519)
ББК 66.4(5)

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений» основана в 2009 г.

Ответственные редакторы:
член-корр. РАН В.В. Михеев и д.э.н. А.Н. Федоровский

Рецензент: член-корр. РАН А.В. Кузнецов

Меж 43

Межкорейские отношения и политика региональных держав
(научный доклад) / Отв. ред. В.В. Михеев, А.Н. Федоровский – М.:
ИМЭМО РАН, 2014, 61 с.

ISBN 978-5-9535-0406-5

Приход к власти в КНДР администрации Ким Чен Ына ознаменовался демонстрацией ракетно-ядерных амбиций нового руководства, что привело к кризису межкорейских отношений и встретило негативную реакцию региональных держав. Администрация южнокорейского президента Пак Кын Хе, выдвигая ряд инициатив, за счет укрепления климата доверия и тактики решения конкретных дел стремится стабилизировать межкорейский диалог. Региональные державы, отстаивая свои внешнеполитические приоритеты, пока не смогли сблизить позиции относительно перспектив нормализации ситуации на Корейском полуострове.

Inter-Korean Relations: Political Role of Regional Powers (Research Papers) / Eds. V.V. Mikheev, A.N. Fedorovskii – Moscow, IMEMO RAN, 2014. – 61 p.

ISBN 978-5-9535-0406-5

Missile launches and nuclear tests initiated by DPRK undermined inter-Korean cooperation and regional stability. The primary purpose of these activities was to strengthen legitimacy of Kim Jong Un's administration. South Korean president Park Geun-Hye's policy towards Pyongyang focused on improving mutual understanding and developing step-by-step inter-Korean cooperation. Regional powers jointly opposed North Korea's missile and nuclear programs, but failed to elaborate common understanding on policies to promote security on the Korean peninsula as well as on prospects for the unification of Korea.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0406-5

© ИМЭМО РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. СИТУАЦИЯ В КНДР И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ.....	7
1.1. Последствия падения Чан Сон Тхэка	16
2. РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ПОИСК НОВОГО КУРСА В ОТНОШЕНИИ КНДР	20
3. СИТУАЦИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ	26
3.1. Треугольник КНР, Япония и РК в состоянии неустойчивости: последствия для Корейского полуострова	32
3.2. Китай: приоритет за обеспечением безопасности.....	39
3.3. Япония: на повестке дня – проблема похищенных граждан... 44	
3.4. Корейское урегулирование в политике администрации Б. Обамы	46
3.5. Политика России на Корейском полуострове	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа подготовлена в Центре Азиатско-тихоокеанских исследований **Института мировой экономики и международных отношений** (ИМЭМО РАН) в ходе реализации исследовательского проекта «Межкорейские отношения и политика региональных держав», поддержанного **Корейским Фондом** (Республика Корея). Руководители и ответственные редакторы научного доклада – член-корр. РАН В.В. Михеев и д.э.н. А.Н. Федоровский. В реализации проекта и подготовке материалов научного доклада приняли участие: К.Р. Вода, д.полит.н. Ф.Г. Войтоловский, к.и.н. М.А. Володина, д.э.н. В.К. Зайцев, д.и.н. Е.А. Канаев, Е.А. Ключева, к.э.н. Е.Л. Леонтьева, к.э.н. С.А. Луконин, Ю.С. Луконина, к.полит.н. Э.Г. Соловьев, к.э.н. Н.В. Тоганова, к.э.н. В.Г. Швыдко, а также главный редактор журнала «МЭ и МО» к.и.н. А.В. Рябов и независимый эксперт Л.Л. Полевой.

Цель исследования – показать основные тенденции развития межкорейских отношений в увязке с политикой на Корейском полуострове ведущих региональных держав (КНР, Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Японии). Авторы работы исходят из того, что будущее Кореи в решающей степени определится в ходе взаимодействия двух корейских государств. Вместе с тем позиция каждой из региональных держав в отношении перспектив объединения Кореи, содержание их политики на корейском направлении, способность сотрудничать в многосторонних усилиях по поддержанию мира и безопасности на Корейском полуострове объективно оказывают огромное влияние на развитие политических и экономических отношений между КНДР и Республикой Корея. Авторы не ставили перед собой цели проведения комплексного исследования политики каждой из региональной держав на Корейском полуострове, что представляет собой отдельную масштабную научную задачу. В данной работе представлены результаты анализа ключевых приоритетов Сеула и Пхеньяна в двусторонних отношениях, а также оценка позиции региональных держав по важнейшим вопросам развития межкорейского диалога. В том числе отмечаются новые приоритеты Китая с отношениями с КНДР и Республикой Корея, анализируется место и роль корейской проблематики в тихоокеанской политике администрации Б. Обамы, дается оценка курсу правительства С. Абэ в отношении Пхеньяна и Сеула, а также характеризуются современные приоритеты российской политики на Корейском

полуострове.

Свои исследовательские задачи авторы видят в следующем:

- дать характеристику северокорейской политической системе после прихода к власти администрации Ким Чен Ына в сопоставлении с предшествующим периодом существования северокорейского государства;

- определить основные тренды социально-экономической ситуации в КНДР в контексте оценки возможности трансформации северокорейского общественного организма;

- оценить принципиальные подходы региональных держав к решению проблем Корейского полуострова в условиях негативных процессов в политике и безопасности в Северо-Восточной Азии (СВА) и роста напряженности в российско-американских отношениях, отмеченных в 2013-2014 гг.

Наследование власти в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) в пользу Ким Чен Ына не привело к кардинальным изменениям во внутривнутриполитической ситуации в этой стране и в ее отношениях с внешним миром. По-прежнему, главный вызов КНДР лежит не в сфере военной безопасности и во внешней политике, а в экономике. Застой и деградация хозяйственного комплекса неизбежно ведут к подрыву социальной и политической стабильности. Найти адекватный ответ на внутренние вызовы в рамках существующей в КНДР модели без международной помощи невозможно. В то же время гипотетическое проведение реформ также способно потрясти устои северокорейского режима до основания. В этих условиях содействие возможной трансформации Севера и поддержка попыток Юга развивать межкорейские отношения со стороны региональных держав может оказать позитивное влияние на перспективу развития межкорейских отношений. Вопрос, однако, состоит в заинтересованности и готовности региональных держав поддерживать конструктивное сотрудничество в условиях ухудшения отношений между ними.

Все это делает ситуацию на Корейском полуострове труднопредсказуемой. При этом именно от КНДР во многом зависит острота протекающих на Корейском полуострове процессов. Трансформация Севера может уложиться в предсказуемое русло, что способствовало бы поддержанию стабильности и отвечало бы интересам Республики Корея, а также содействовало развитию разносторонних межкорейских связей. В то же время велика

вероятность проявления плохо управляемых тенденций. В любом случае региональные державы (Китай, США, Япония и Россия) должны быть готовы проявить адекватную реакцию как в связи с возможными вспышками политического напряжения на Корейском полуострове, так и во взаимных отношениях.

1. Ситуация в КНДР и внешнеполитические маневры северокорейской администрации

Сегодня в КНДР развиваются две тенденции. С одной стороны, власти пытаются оживить хозяйственные процессы традиционными для «социалистической» экономики методами. Понимание нынешней администрацией необходимости пересмотреть если не суть, то, по крайней мере, крайности социально-экономической политики, которые завели Север Кореи в тупик, заставляют руководство страны рассмотреть возможности накормить и обеспечить минимум потребностей населения за счет перераспределения бюджетных средств и введения «материального стимулирования» на производстве. Шансы на успех такой политики, исходя из опыта стран Восточной Европы, дореформенных Китая и Вьетнама, крайне ограничены.

С другой стороны, стихийно развивается процесс формирования квази-рыночных отношений: растет теневая экономика, все большая часть продовольствия вопреки официальным установкам реализуется через частную торговлю и не попадает в распределительную систему, нелегально используемые в качестве средства платежа и накопления американские доллары и китайские юани вытесняют из оборота национальную валюту.

Действия властей противоречивы: с одной стороны, частично разрешая коммерческую активность граждан, правительство стремится взять ее под свой контроль, с другой – вводит ограничительные меры, полагаясь на административные запреты. В итоге сохраняется неопределенность стратегических приоритетов, растет коррупция и дезорганизация производства на госпредприятиях.

Отсутствие фундаментальных перемен компенсируется изменениями во внешних проявлениях, которые подаются новой властью в качестве свидетельства новаторских подходов в социально-экономической политике, что типично для тоталитарных режимов в период смены лидеров. Между тем внутреннюю стабильность нельзя обеспечить без улучшения социально-экономической ситуации.

В этих условиях повысилась степень авантюризма внешнего курса Северной Кореи, рассчитанного на ракетно-ядерный шантаж

своих оппонентов, а заодно и друзей. Фактор неопределенности резко усилился после смерти Ким Чен Ира и перехода власти в КНДР к его младшему сыну.

Многие эксперты рассчитывали, что новый молодой лидер, с его чистым «послужным списком» и европейским образованием, будет стремиться к постепенному реформированию страны и улучшению отношений с ближайшими соседями.

Действительно, Ким Чен Ир в силу возраста и инерции многолетнего традиционного политического курса на изоляцию страны не был склонен к каким-либо переменам. Его фирменный политический почерк, позволявший удерживать ситуацию в стране под контролем, характеризовался поддержанием любой ценой стабильности внутри страны, застоєм во всех социально-экономических процессах, а также дозируемым нагнетанием напряженности на полуострове с целью давления на соседей и получения от них тех или иных бонусов. Своими действиями он порой доводил обстановку до весьма опасного уровня, однако, и это важно признать, старался не пересекать черту, за которой события могли бы приобрести необратимый нарастающий характер, умело отступая после балансирования «у кромки обрыва».

Навыки политического маневрирования позволили старшему Киму наладить почти дружественные отношения с либеральными президентами РК Ким Дэ Чжунгом и Но Му Хеном, и получать от них продовольственную и финансовую помощь в обмен на сдержанность Пхеньяна в военно-политической области; поддерживать наряду с этим политические контакты с США и одновременно сохранять видимость добрых отношений с Китаем и Россией, создавая впечатление, что ему есть куда при необходимости обратиться за поддержкой. При том, что Ким Чен Ир в период своего правления осуществил два ядерных испытания и проводил пуски баллистических ракет, он продолжал поддерживать на высшем уровне дипломатические контакты с региональными державами, получая солидную экономическую помощь от Пекина и более скромную – от Москвы. Последний визит Ким Чен Ира в Россию и встреча с президентом Д.И. Медведевым в Улан-Удэ состоялись в августе 2011 года (за 4 месяца до смерти лидера КНДР).

Единственная крупная неудача Ким Чен Ира связана с регрессом в области межкорейского сотрудничества после избрания

на президентский пост в Южной Корее Ли Мен Бака. С самого начала новый глава РК увязал возможность дальнейшего прогресса в межкорейских отношениях с конкретными шагами Севера по пути денуклеаризации, а после инцидента с гибелью корвета «Чхонан» в 2010 году ввел эмбарго на торгово-экономические связи с КНДР (единственным исключением оставалась деятельность на северокорейской территории совместного технопарка в Кэсоне). В период пребывания южнокорейского консервативного лидера на посту президента впервые за последние тридцать лет диалог между Севером и Югом был полностью прерван, а межкорейское сотрудничество оказалось отброшенным далеко назад.

Для пришедшего в Пхеньяне к власти Ким Чен Ына едва ли не самой важной могла стать задача развеять имеющиеся у соседних держав страхи и опасения, направив им ясный сигнал, что новая администрация заинтересована в выводе КНДР из изоляции и не намерена усугублять конфронтацию с внешним миром. Тем не менее, ожидавшегося поворота в политике нового северокорейского руководства так и не произошло. Несмотря на некоторые стилистические новации, в практических делах молодой лидер пошел проторенным путем, используя и доводя до крайности те наработки и инструментарий во взаимоотношениях с соседями, включая и РК, которыми пользовался его предшественник. Примечательно то, что Ким Чен Ын, хорошо освоив арсенал рискованных внешнеполитических решений, присущих политике своего отца, пока не смог овладеть его искусством тактического дипломатического маневрирования.

В итоге за время, прошедшее с момента прихода в Пхеньяне к власти нового режима накопился груз внутренних и внешнеполитических проблем, попытки решения которых вызвали за рубежом практически единодушное осуждение: проведение пуска баллистической ракеты дальнего радиуса действия, а также ядерного испытания; провозглашение КНДР «ядерной державой», что было закреплено в юридическом порядке – путем включения соответствующего положения в конституцию страны; угроза проведения ядерной атаки против Южной Кореи, а также территорий США в Тихом океане; заявление о выходе из соглашения о перемирии, а также двусторонних соглашений с Сеулом о взаимном ненападении, примирении и сотрудничестве; нагнетание военной истерии путем требований к иностранным гражданам, находящимся на территории КНДР и Южной Кореи эвакуироваться

с полуострова. И, наконец, ничем не мотивированное решение приостановить деятельность Кэсонского технопарка, последнего действовавшего совместного межкорейского экономического проекта.

Результатом всех этих решений стали серьезные качественные изменения в обстановке вокруг Северной Кореи. Во-первых, значительно возросли страхи в отношении КНДР, руководство которой проводит иррациональную и разрушительную политику на Корейском полуострове и в регионе СВА. Во-вторых, усилилась военно-политическая напряженность – как из-за действий северокорейского руководства, так и в результате встречных мер военно-политического характера со стороны Южной Кореи, США и ряда других государств, опасаящихся за свою безопасность. В-третьих, значительно сократились возможности решения насущных проблем Кореи мирными политико-дипломатическими средствами, прежде всего такими, как денуклеаризация и установление режима мира взамен соглашения о перемирии от 1953 года. В-четвертых, был упущен шанс для вывода межкорейских отношений из тупика, а для Пхеньяна резко сузилось пространство для поиска компромиссных шагов.

И, наконец, самое важное – это качественное ухудшение внешнеполитической ситуации для Северной Кореи на фоне дальнейшего падения престижа страны и ее руководства в глазах соседей и ужесточения отношения к ней со стороны внешнего мира. Непродуманные и вызывающие действия Пхеньяна не только закрепили отторжение стран Запада, но и перевели алгоритм взаимоотношений с ними из плоскости попыток добиться взаимопонимания, поддержания в этих целях ограниченных контактов в русло более широкого использования политического давления и разнообразных санкций.

С другой стороны, резко сузилось пространство для внешнеполитического маневра. Так, если Ким Чен Ир довольно умело использовал в своих интересах расхождения между «тройкой» (РК, США, Япония) с одной стороны, и Россией и особенно Китаем – с другой по различным аспектам корейской политики, то неприемлемые действия Кима-третьего вызвали однозначно негативную реакцию и в Москве, и в Пекине. Результатом этого стала фактически открытая критика северокорейских авантюр, сокращение экономической и политической поддержки Пхеньяна,

понижение уровня и объема двусторонних контактов. В итоге угроза формирования пятистороннего консенсуса по отношению к КНДР, чего руководители этой страны всегда боялись и пытались любой ценой не допустить, стала в обозримой перспективе вполне реальной.

Основными итогами периода правления администрации Ким Чен Ына стали значительная радикализация внешнего курса Северной Кореи, повышение ее активности в реализации опасных ракетно-ядерных программ на фоне сокращения реальных возможностей Пхеньяна влиять на региональную ситуацию в своих интересах и изменение политического баланса на Корейском полуострове в пользу Южной Кореи.

На основе вышесказанного можно прийти к выводу, что в последние годы, приходящиеся на правление нового лидера, деградация политической системы Северной Кореи заметно ускорилась. Во внешнем плане это проявляется не только в повышенной агрессивности северокорейского режима, но и в совершении с нарастающей частотой действий, которые не способствуют его стабилизации и потенциально разрушают саму систему.

Склонность нынешнего руководства КНДР к фетишизации ракетно-ядерного потенциала объясняется дефицитом других, более конструктивных аргументов легитимизации режима, укрепления его авторитета внутри страны.

Объяснение, лежащее на поверхности, может состоять в том, что нынешний лидер Ким Чен Ын слишком молод, горяч и плохо подготовлен к ведению сложных государственных дел. Действительно, до роковой болезни отца страна его не знала. Его выбор в качестве преемника состоялся не ранее 2009 г., быть может – конца 2008 года. Не накопив необходимого опыта руководства в масштабах страны, он встал на путь принятия быстрых, простых и недостаточно просчитанных решений, которые в итоге приводили к последствиям, обратным ожидаемым. Ким Чен Ына характеризуют как человека импульсивного, склонного к крайностям, в силу чего при необходимости реагирования на возникающие ситуации он выбирает наиболее жесткие варианты из числа тех, которые готовят его помощники.

С другой стороны, подход нынешнего северокорейского лидера к вопросам обладания ракетно-ядерными вооружениями заметно отличаются от воззрений его отца. Позиция Ким Чен Ира отталкивалась от утверждения, что Северная Корея является единственной страной в СВА, чья безопасность от внешней угрозы никак не гарантирована. Все остальные государства региона являются обладателями ядерного оружия (Россия, Китай), либо прикрыты американским «ядерным зонтиком» (Южная Корея, Япония). Особенностью менталитета Ким Чен Ира была твердая убежденность в наличии реальной военной угрозы для КНДР со стороны США, которая усилилась до формы паранойи после известных событий в Ираке, Ливии и в отношении Сирии. Соответственно, обладание ядерным оружием или хотя бы не подлежащие проверке заявления о его наличии рассматривались как весомый сдерживающий фактор против гипотетической военной агрессии со стороны США и их союзников.

Ким Чен Ын, видимо, унаследовав эти страхи своего предшественника, пошел еще дальше по пути фетишизации ракетно-ядерного потенциала, рассматривая его как материальный символ суверенитета страны и ее достижений в военной области. Более того, в отсутствие других осязаемых результатов своего правления – осуществление успешного запуска «спутника» с помощью баллистической ракеты, проведение ядерного испытания, ускоренные шаги по налаживанию программы обогащения урана – все это было призвано служить целям легитимизации режима Кима-3, укрепления его авторитета у военной элиты страны. При этом оборотной стороной медали становилось неизбежное возрастание внешней «задиристости», в том числе и по отношению к Южной Корее, появление соблазна опробовать свой потенциал в деле, заниженное чувство опасности от такого провокационного поведения.

Ким Чен Ир в период своего правления обладал возможностью держать все основные властные структуры в Северной Корее под своим жестким контролем. Это достигалось за счет его политической роли выразителя интересов правящей верхушки, харизматических качеств вождя, которые признавались всеми «ветвями власти», а также умением искусно лавировать между наиболее влиятельными политическими силами: партией, армией, политической полицией и силами безопасности. Поддерживая баланс сил, он, таким образом, исключал возможность перекосов в

развитии внутренней ситуации, которая сохраняла видимость стабильности.

Уход из жизни Ким Чен Ира и объективное ослабление выстроенной им системы контроля открыло клапаны для проявления позиций радикально-консервативных сил северокорейской бюрократии, для которой изоляция страны от внешнего мира – это не потеря, а преимущество – поскольку служит единственной цели: сохранению режима и удержанию власти в своих руках. При всех частных интересах и ведомственных различиях их объединяет полное неприятие реформ, даже ограниченных по своему масштабу, а также культивирование образа внешнего врага как важнейшего фактора консолидации общества. Их кредо: даже если КНДР никто всерьез не угрожает, угроза должна быть инсценирована, и лучше всего для этой роли подходят США и Южная Корея.

Поскольку ставкой в этой игре становится выживание режима, то вопрос о цене приобретает второстепенный характер. Введение дополнительных международных санкций или потеря экономических и финансовых бонусов вследствие отказа от диалога и восстановления сотрудничества с Южной Кореей представляются гораздо меньшим злом, чем утрата образа «внешнего врага» как главной причины всех переживаемых страной бедствий, или же падение «бамбукового занавеса», что способно дестабилизировать внутреннюю ситуацию.

Кроме того, следует учитывать, что процесс трансформации власти в КНДР еще далек от завершения, продолжается реконфигурация правящей элиты, в рамках которой происходит обновление части высшего кадрового звена и поиск новых точек опоры действующей власти. Идет постепенное избавление от престарелых руководителей и массовое рекрутирование в высшую власть представителей среднего, более энергичного эшелона бюрократии. При этом главным критерием отбора становится личная преданность, отсутствие «связей» и зависимость от Ким Чен Ына в плане удовлетворения карьерных амбиций.

Похоже, что на нынешнем витке вопросы, связанные с кадровыми «рокировками» и определением контуров будущей власти, являются для высшей верхушки не просто приоритетными, но даже самодовлеющими. Иной позитивной программы национального строительства в Пхеньяне не имеется. Общение с

внешним миром, с Южной Кореей строится с использованием тактических схем, наработанных еще при Ким Чен Ире, поскольку времени и возможностей для долгосрочных креативных решений попросту не остается, а значит – политика северокорейского руководства становится все более хаотичной. Выработка созидательных решений расплывается в кадровых перестановках.

В складывающихся условиях пока не очень заметной, но, тем не менее, все более серьезной проблемой становится острая нехватка образованных и компетентных чиновников, способных выступить в роли эффективных управленцев на переломном этапе развития страны. Процесс «истончения» прослойки профессионально подготовленной и государственно мыслящей бюрократии начался еще в период правления Ким Чен Ира, когда из жизни стали уходить ветераны, в свое время учившиеся или периодически бывавшие в СССР, странах Восточной Европы, Китае и обладавшие широким (по пхеньянским меркам) кругозором и пониманием того, что происходит в стране и за ее пределами.

При Ким Чен Ыне «социальные лифты», похоже, заработали, о чем свидетельствуют участвовавшие перестановки во властных структурах. Кадровая волна, которая начинает подниматься из недр партийного аппарата, вооруженных сил, регионов страны представлена преимущественно «служивым сословием», маргинализированным как политически, так и интеллектуально. Это – второе или даже третье поколение северокорейской бюрократии, которая получила всю профессиональную подготовку, жизненный опыт и скудный паек знаний непосредственно в КНДР в условиях тотальной закрытости страны. Соответственно, представители этой прослойки обладают весьма скромными навыками в конкретных сферах своей деятельности, в области управления (даже на уровне заниженных «чучхейских» стандартов). Другой характерный момент – отсутствие у данной категории номенклатуры хотя бы зачаточных представлений относительно особенностей современных мировых процессов и тенденций, а также по поводу реального положения КНДР в глобальной и региональной конфигурациях.

Вместе с тем, эти люди весьма активны и даже агрессивны в борьбе за свои интересы. Однако они априори не способны быть носителями жизнеспособных идей, действовать креативно и дальновидно, частично ввиду узости кругозора и недостатка общей культуры, частично в силу требований, предъявляемых к низшим

слоям аппарата – не размышлять, а прилежно исполнять указания сверху. Отсюда склонность новых назначенцев к принятию простых, радикальных, но плохо просчитанных решений. К руководству подключаются люди, не обученные и не умеющие мыслить стратегически. Последний пример – внезапное решение о приостановке деятельности Кэсонского технопарка, финансируемого южнокорейским бизнесом, а затем попытки договориться о его «перезапуске» на условиях, существовавших ранее.

Значительное снижение качественного уровня северокорейской бюрократии, как в зеркале, отражается на атмосфере, складывающейся в межкорейских отношениях. Политика Ким Ир Сена, а позднее – Ким Чен Ира в этих вопросах строилась в русле сложного внешнеполитического маневрирования, включавшего и элементы заигрывания в целях получения политических и экономических дивидендов, и попытки оказать давление, используя перманентные сложности, возникающие между Севером и Югом для поддержания напряженности на полуострове на дозируемом уровне, отвечающем текущим интересам Пхеньяна.

Сохранение трений внутри правящей элиты по поводу дележа власти, неопределенность в вопросе о том, кто в реальности и в какой степени управляет страной, побуждают правящую верхушку к попыткам перевести внутренние противоречия во внешнюю сферу. «Священный враг» – США – в достигаемости только для северокорейской пропаганды, а вот Южная Корея – удобно доступна. Усилению враждебности по отношению к Сеулу способствует укрепление позиций военного лагеря, склонного латать имеющиеся внутри страны «прорехи» с опорой на радикальные меры. Малоспособные к тому, чтобы взять в свои руки спасение несостоятельного государства путем проведения неотложных мероприятий в социально-экономической области, военные, напротив, направляют усилия на демонстрацию вовне «силовой мускулатуры». Однако на практике сменяющие друг друга пропагандистские кампании и попытки запугать соседей показной военной мощью, а также агрессивным поведением лишь прикрывают усугубляющуюся слабость Пхеньяна – политическую, экономическую и даже военную.

Для Ким Чен Ына, не имеющего «сакрального статуса» своих предшественников, обладание ракетно-ядерным потенциалом и бесконечные акции, призванные создать шумную рекламу новому

режиму, служат не просто средством военного сдерживания или угрозы потенциальным противникам, как это было при его отце, но фактически обоснованием легитимности его правления, своего рода символом государственной идентичности. Рассуждения представителей бюрократии в Пхеньяне строятся по старому лекалу – «коль скоро ракеты и ядерное оружие путем колоссальных усилий были созданы, отказаться от обладания этим потенциалом уже нельзя». Вот почему при нынешнем северокорейском режиме ядерную проблему решить практически невозможно, даже ценой ее выкупа, что при правлении Ким Чен Ира исключать было нельзя. Подобное положение вещей, в принципе, ставит под сомнение возможность создания благоприятной атмосферы для межкорейского диалога, в рамках которого ядерно-ракетная тема должна стать одной из главных.

1.1. Последствия падения Чан Сон Тхэка

Учитывая сложные внутривластные условия, сложившиеся в стране, претендующей на обладание ядерным оружием, возникает далеко не праздный вопрос, в чьих руках находится сегодня реальная сила и право принятия ответственных решений от имени государства в Северной Корее? Еще недавно привычный ответ на него – Ким Чен Ын опирается на поддержку «семейного клана» в лице своей тетки Ким Гён Хи и ее мужа Чан Сон Тхэка, которые выступали в роли опекунов и ближайших советчиков руководителя. Именно они якобы обеспечили гладкий процесс перехода власти и брали на себя обязанность аккуратно подправлять принимаемые им решения.

Такого рода суждения имели под собой недостаточно оснований и представляли собой в значительной мере упрощенный взгляд на проблему. В Северной Корее не существует клана Кимов в лице многочисленной и разветвленной группы, которая располагала бы собственной базой поддержки в стране и представляла бы собой монолитную и хорошо организованную силу. На самом деле, помимо вышеупомянутых деятелей, речь может идти о братьях и сестре Ким Чен Ына, а также отдельных дальних родственниках, каждый из которых ведет свою жизнь и которые не объединены в «кровную группу» с целью способствовать удержанию верховной власти при лидерстве Ким Чен Ына.

На практике реальное влияние на младшего Кима и процесс

принятия государственных решений оказывают силы, остающиеся «в тени», представители которых редко попадают в объективы телекамер. С большой долей вероятности можно предположить, что речь идет о военной элите и части высшего партийного аппарата, курирующей работу военно-промышленного комплекса, а также вопросы межкорейских отношений. Этот тип отношений вождя отличается от манеры управления при Ким Чен Ире, который в период своего правления обладал возможностью держать все основные властные структуры в Северной Корее под своим жестким контролем.

Смерть Ким Чен Ира и объективное ослабление выстроенной им «под себя» системы контроля открыло клапаны для выхода из-под спуда и консолидации позиций радикально-консервативных сил северокорейской бюрократии, ориентированной всецело на изоляционизм.

Однако следует учитывать то важное обстоятельство, что процесс консолидации властных элит при новом режиме не приобрел необходимой устойчивости. Разоблачение «вредительской группы Чан Сон Тхэка», закончившееся стремительным судебным процессом и последовавшей его скоропалительной казнью свидетельствует об этом. Избавление Ким Чен Ына от присутствия в руководстве Чан Сон Тхэка можно рассматривать как предупреждение о недопустимости даже намека на появление очага принятия не то, чтобы самостоятельных стратегических, но хотя бы крайне ограниченных по своему характеру текущих финансовых, экономических и внешнеполитических решений. В связи с этим на данном этапе можно говорить об укреплении *личной власти* Ким Чен Ына. Однако пока нет оснований для утверждения об упрочении положения в Северной Корее *существующей властной системы*, поскольку сколько-нибудь внятной стратегии социально-экономического развития страны, а также внешнеэкономических приоритетов, которые бы в какой-то мере проясняли иерархию властных элит – предложено не было.

Тем не менее, о некоторых, хотя и самых общих внешнеполитических предпочтениях, вытекающих из «дела Чан Сон Тхэка» можно упомянуть. За произошедшей «ликвидацией» Чан Сон Тхэка (активного участника северокорейско-китайских переговоров) просматривается стремление ослабить проявившуюся в последние годы правления Ким Чен Ира растущую политическую и

экономическую зависимость КНДР от Китая. Хотя Пхеньян жизненно заинтересован во всесторонней поддержке Пекина, в том числе на международной арене, а в северокорейской элите сложились влиятельные группы, получающие личную материальную выгоду от расширения китайско-северокорейских торгово-экономических связей, для значительной части северокорейской верхушки реальная или мнимая угроза внешнего давления (хотя бы со стороны ближайшего союзника) является неприемлемой. Тем более, что КНР в последние годы недвусмысленно подталкивала КНДР к началу проведения внутренних экономических преобразований, которые, как указывалось выше, консервативные круги оценивают как вызов существующим порядкам.

В связи с этим представляется, что причина разоблачения «группы Чан Сон Тхэка» носит комплексный характер; принятые же репрессивные меры позволили решить одновременно ряд тактических задач: утвердить незыблемость вертикали власти, запугать и сплотить бюрократию вокруг молодого вождя, продемонстрировать стране сильного лидера, показать правящей верхушке и внешнему миру, что Пхеньян привержен принятию самостоятельных решений и не потерпит к себе покровительственного отношения от какого-либо партнера, а тем более соперника.

В этих условиях одним из внешнеполитических последствий «дела Чан Сон Тхэка» стало появление сигналов, посылаемых Пхеньяном Москве с призывом активизировать двусторонние отношения в области политики и экономики. Разумеется, нет никаких оснований говорить о внешнеполитической переориентации КНДР с Китая на Россию. Речь лишь идет о выправлении сложившихся, с точки зрения правящей северокорейской администрации, перекосов во внешней политике и поддержания традиционного для Пхеньяна курса «балансирования» между двумя северными соседями, подкрепленного желанием получать и в том и в другом случае материальную помощь, избегая при этом начать какие-либо внутренние преобразования.

В отношениях же с Республикой Корея позиция КНДР остается наиболее непредсказуемой. Вполне понятно, что принципиальные стратегические цели и установки двух корейских сторон в отношении друг друга по большинству параметров существенно расходились ввиду несовместимости политических

режимов и социально-экономического строя на Севере и на Юге, что в принципе исключало возможность достижения и последующего соблюдения каких-либо фундаментальных, долгосрочных договоренностей.

Однако в период правления Ким Чен Ира отчетливо проводилась линия на поддержание видимости постоянной готовности Пхеньяна положительно отреагировать на позитивные сигналы из Сеула (разумеется, дозированно, в той лишь степени, чтобы получить осязаемые дивиденды и не причинить вреда устойчивости системы). В нынешних условиях размытыми стали даже эти, довольно условные «правила» межкорейской политической «игры».

2. Республика Корея: поиск нового курса в отношении КНДР

В современной Республике Корея проблемы двусторонних отношений с КНДР и перспективы объединения Кореи рассматриваются преимущественно в прагматичном, а не в идеологическом ключе. На практике это означает необходимость для РК быть готовыми к решению ряда актуальных задач. В частности, требуется активизация внешнеполитических усилий по привлечению на свою сторону влиятельных партнеров, содействующих межкорейским связям и поддерживающим объединение Кореи под эгидой Сеула. Такой подход объективно содержит вызов если не основам, то важным постулатам современной внешней политики Южной Кореи.

Тесный военно-политический союз с США рассматривается южнокорейской элитой в качестве фундамента безопасности и безоговорочного условия начала объединения Кореи по выгодному Сеулу сценарию. Американский вектор южнокорейской дипломатии сохранит свое стратегическое значение и в дальнейшем.

В то же время поэтапный процесс объединения может происходить безопасно и с меньшими издержками, если он будет в полной мере поддержан прочими региональными державами, прежде всего Китаем, а также Россией. Отсюда задача модификации внешней политики, предполагающая дифференциацию торгово-экономических, политических и гуманитарных связей с целью проведения более сбалансированного внешнего курса, что должно подкрепить доверие соседей к процессам на Корейском полуострове.

За последний период главным негативным последствием ухудшения двусторонних отношений стала утрата традиций межкорейского диалога и сотрудничества. Южнокорейское руководство не сумело воспользоваться ситуацией, сложившейся после смерти Ким Чен Ира, для того чтобы взять инициативу в свои руки и постараться вовлечь новые северокорейские власти в процесс конструктивных контактов, пусть даже ценой отдельных тактических уступок. Позиция «наблюдателя со стороны», занятая президентом Ли Мен Баком, в конечном счете обернулась не только упущенным шансом (пусть даже с минимальной надеждой на успех), но также сослужила плохую службу пришедшей ему на смену

администрации Пак Кын Хе, которая изначально была готова к проведению более многовариантной и гибкой политики по отношению к своему северному соседу.

Если в прошлом, когда либеральные президенты Южной Кореи прибегали к тактике «задабривания» Севера, по существу, закрывая глаза на опасные военные действия КНДР, отношение Пхеньяна к Сеулу было достаточно благосклонным, в условиях нынешнего обострения межкорейских отношений перспектива возобновления поставок в КНДР крупномасштабной экономической помощи практически маловероятна. В свою очередь, Пхеньян едва ли готов принять участие в обсуждении таких малоприятных для него тем, как прояснение вопроса об ответственности КНДР за военные инциденты в 2010 году, повлекшие гибель южнокорейских граждан; ситуация с правами человека на Севере и обеспечение большей открытости во внешней сфере.

Опыт проведения рыночных реформ в целях улучшения экономической ситуации также вряд ли заинтересует северокорейское руководство, коль скоро в Пхеньяне не приемлют даже китайский или вьетнамский опыт хозяйственного развития. С другой стороны, на Севере крайне опасаются того, что под маркой «помощи развитию» Сеул займется распространением «вредной идеологии» и навязыванием политических стандартов, что способно привести к дестабилизации внутренней ситуации в КНДР. Наконец, по всей видимости, в Пхеньяне пришли к выводу, что поддержание атмосферы отчужденности и причисление южного соседа к категории «враждебной силы» на данном этапе в большей степени отвечает интересам северокорейской верхушки, чем возобновление содержательного диалога и сотрудничества с РК. Ощущение заранее проигранного сражения в случае двухстороннего сближения усугубляется пониманием того, что внешние условия для политического маневрирования складывается не в пользу КНДР: Москва и Пекин негативно оценивают внешнеполитическое поведение Пхеньяна в последний период времени.

В конечном итоге, главная проблема для южнокорейской дипломатии состоит в способности (или неспособности) северокорейского режима к реформированию. Пхеньян отвергает любые компромиссные решения и предпочитает поддерживать атмосферу «осажденной крепости» в ответ на любые попытки оказать на него то или иное воздействие. Все это создает серьезный

вызов не только для РК, но и для соседних стран, которым приходится иметь дело со сверхмилитаризованной страной, находящейся на грани своего обвала, который может произойти в любой момент. Не только эффективных инструментов, но даже и общепризнанных концептуальных подходов к решению этой региональной по своей сути проблемы пока не найдено. Самой Южной Корее едва ли будет по силам совладать с ними в одиночку.

Равным образом, Южная Корея вряд ли сможет вынести бремя всех расходов, связанных с последствиями такого развала, что чревато потерей управляемости Объединенной Кореи, хаосом, возможной серией внутренних конфликтов, перерастающих один в другой по египетскому сценарию. В другом случае – даже плавное, но подхлестываемое событиями поглощение Северной Кореи Южной, при поощрении такого развития северокорейскими властями (не так уж важно – старыми или новыми), окажется непосильной ношей для РК, прежде всего в финансово-экономическом плане, и способно надолго вывести Южную Корею из числа крупных игроков в мировой политике и экономике, переключив все ее ресурсы на решение внутренних проблем.

Есть и другие основания для сомнений южнокорейского руководства относительно выбора политических приоритетов в развитии межкорейских отношений. С одной стороны, Сеул склонен действовать в рамках согласованной с США линии на сдерживание и оказание давления на КНДР, с другой – не может легко отказаться от возможности реализации курса на установление атмосферы доверия с Пхеньяном, предполагающего развитие диалога и сотрудничества.

Возможности для крутого разворота в сторону ужесточения политики на северокорейском направлении у действующей южнокорейской администрации весьма ограничены, поскольку это вряд ли найдет понимание в обществе и у значительной части политических кругов, ориентирующихся преимущественно на диалог и нормализацию отношений с северным соседом.

Южной Корее с ее превосходящим военным, экономическим и гуманитарным потенциалом важно удерживать инициативу в этих вопросах, демонстрируя готовность следовать курсу на переговоры, естественно, в той мере, в которой Север к этому готов. Важно помнить, что межкорейские контакты имеют традиции, которые закладывались еще в начале 70-х годов, поэтому безальтернативный

и недостаточно аргументированный отказ от них, как это происходило при Ли Мен Баке, вряд ли встретит понимание в южнокорейском обществе.

Нестабильность северокорейского режима, необходимость в своей стратегии учитывать возможное объединение страны побуждает пришедшую в 2013 г. к власти администрацию южнокорейского президента Пак Кын Хе вносить существенные коррективы во внешнеполитическую стратегию. В этих условиях президент Пак Кын Хе выдвинула ряд инициатив, направленных на мобилизацию поддержки южнокорейской внешней политики со стороны региональных держав, а также на выработку прагматичного курса на реализацию тактики малых дел и достижения конкретных результатов в межкорейских отношениях.

На протяжении шестидесяти последних лет внешняя политика Республики Корея базировалась на военно-политическом союзе с США. Стратегическое партнерство Сеула с Вашингтоном сохранится и в долгосрочной перспективе. Однако возникновение объединенной Кореи во многом будет зависеть от поддержания добрососедских отношений с Китаем, интересы которого на Корейском полуострове придется учитывать. Так же как считаться с влиянием КНР. В этой связи параллельное развитие отношений с Россией становится для Южной Кореи залогом дипломатической гибкости и оптимизации принятия решений в области внешней политики и безопасности.

Таким образом, происходит перезагрузка внешнеполитических приоритетов ментально и экономически островного государства (каковым Южная Корея фактически была до сих пор) на приоритеты континентального государства (каковым Корея станет в результате объединения). Отсюда – возникшая объективная и вполне прагматичная потребность в целенаправленном укреплении политических и экономических связей с Китаем и Россией в рамках провозглашенного президентом Пак Кын Хе *евразийского направления (Eurasia initiative)* в качестве приоритетного внешнеполитического курса. Связать *американский и евразийский векторы* на Корейском полуострове призвана реализация *политики доверия*, предусматривающая учет долгосрочных интересов всех сторон, вовлеченных в корейское урегулирование. На практике заявленные новации выражаются в стремлении, сохраняя поддержку Вашингтона, заручиться

одобрением Пекином и Москвой будущего объединения Кореи.

Выдвигая тему доверия (*trustpolitik*), как ключевого условия межкорейского и многостороннего сотрудничества, *южнокорейский президент обращается ко многим адресатам одновременно: к южнокорейскому обществу*, прося у него политической поддержки в стремлении нормализовать отношения с КНДР и начать выстраивать базу для будущего объединения страны; к своему главному союзнику – США, отстаивая свое право на политическую инициативу и, одновременно, убеждая в своей незыблемой приверженности союзническим обязательствам; к Китаю, демонстрируя готовность учесть китайские экономические и политические интересы на Корейском полуострове и рассчитывая на партнерские отношения с Пекином; к Японии, надеясь на сглаживание двусторонних проблем и более согласованные действия на Корейском полуострове; к России, полагаясь на ее заинтересованность в расширении своего влияния на Корейском полуострове и использование в будущем российского потенциала в реализации инфраструктурных и энергетических проектов. Наконец, по логике президента Пак Кын Хе, постепенное укрепление в регионе отношений доверия должно создать благоприятную обстановку для долгосрочного взаимодействия с КНДР.

Следуя в отношении Северной Кореи курсом *trustpolitik*, в области экономических обменов, РК при президенте Пак Кын Хе склонна не форсировать подготовку мега-строек, отдавая предпочтение скромным по масштабам, но прозрачным и понятным по своему назначению проектам. В конечном итоге, целесообразность каждой последующей инициативы должна соизмеряться с результатами и эффектом предшествующих начинаний, а также поведением северокорейцев, их реальной готовностью к сотрудничеству.

При условии нормального хода событий в отношениях Севера и Юга настанет этап подготовки создания формальных рамок для межкорейских контактов, его институционализации до уровня официального диалога, в том числе и для обсуждения актуальных политических и военных вопросов.

Конечной целью предлагаемого Пак Кын Хе диалога являются сближение между Югом и Севером и их постепенная интеграция. Готовность северокорейского партнера поддержать

такие параметры сотрудничества, как открытость при получении внешней помощи, способность постепенно преодолеть экономическую автаркию и провести необходимые реформы – пока вызывает серьезные сомнения. Однако Южная Корея не может оставаться пассивной стороной и, несомненно, будет использовать любую возможность для постепенного размывания существующих трансграничных барьеров, расширения обмена людьми, в том числе проведение встреч по линии деловых отношений, семейных контактов, деятелей науки и культуры, с тем чтобы суметь продемонстрировать Северу разумную альтернативу нынешнему тупику в русле хотя и болезненной, но назревшей трансформации общества, находящегося в состоянии системного кризиса.

Инициативы, озвученные президентом Пак Кын Хе в Дрездене, суммируют выдвинутые Южной Кореей предложения, а главное ставят в повестку дня межкорейских отношений, а также перед региональными державами в Северо-Восточной Азии задачу реформатирования отношений между Севером и Югом в следующем ключе.

Во-первых, под углом зрения подготовки объединения Кореи в рамках заключения серии последовательных практических договоренностей по отдельным вопросам, в которых заинтересованы оба корейских государства.

Во-вторых, связывая развитие межкорейских отношений с обеспечением безопасности, укреплением доверия, а также политического и экономического сотрудничества на Корейском полуострове с участием региональных держав.

3. Ситуация на Корейском полуострове и региональные державы

Объективный анализ ситуации в межкорейских отношениях вряд ли возможен без учета внешнего контекста. На протяжении длительной истории, в том числе и за последние 60 лет после окончания Корейской войны обстановка складывалась так, что соседствующие с полуостровом великие державы, а также США принимали весомое участие в корейских делах, включая сферу взаимоотношений между Сеулом и Пхеньяном. На разных временных отрезках двум корейским государствам приходилось принимать в расчет внешние факторы в процессе выстраивания политической линии в отношении друг друга. В широком плане межкорейский диалог рассматривался влиятельными соседями как часть более крупной региональной проблемы корейского урегулирования, решение которой подразумевало недопущение нового крупного конфликта на полуострове, нормализацию отношений между двумя корейскими сторонами, установление прочной системы мира в Корее взамен соглашения о перемирии.

Особенностью оценок внешними державами обстановки вокруг Кореи в последнее десятилетие стало восприятие ситуации как преимущественно вялотекущего конфликта, который хотя и осложняется периодическими обострениями, но в принципе не создает существенной угрозы интересам соседних государств в области безопасности. Возможно, поэтому в международной и региональной повестке дня, обсуждаемой в рамках ООН или же на двустороннем уровне – при участии России, США, Китая и Японии вопросам, связанным с ситуацией в других «горячих точках», например, на Ближнем Востоке, Афганистане, Иране, Ираке или даже в Судане, территориальными спорами в Южнокитайском море – традиционно уделялось гораздо большее внимание, чем событиям на Корейском полуострове.

Появление и разрастание северокорейской ядерной проблемы, а также смена лидерства в Северной Корее и растущая неопределенность в отношении перспектив дальнейшего развития ситуации в этой стране отнюдь не повлекли за собой повышения профиля корейской проблемы и существующей иерархии международных конфликтов. Вместе с тем эти новые моменты привели к заметному смещению акцентов в интересах и

практических действиях заинтересованных держав. После ряда безуспешных попыток договориться с КНДР в двусторонних (КНДР – США) или многосторонних форматах (проект КЕДО; шестисторонние переговоры) эволюция подходов внешних держав выразилась, прежде всего, в растущем пессимизме по поводу возможностей решения насущных корейских проблем на путях диалога с Пхеньяном. Формирование устойчивого недоверия и даже неприятия северокорейского режима как потенциального партнера стало особенно заметным после прихода к власти в КНДР Ким Чен Ына, который всеми своими действиями показал, что он ни во что не ставит любые прежние договоренности, если это не отвечает его текущим целям и интересам. Причем резкие решения Пхеньяна могут возникать вне зависимости от наличия конкретного внешнего раздражителя.

С другой стороны, затянувшаяся «стратегическая пауза» на направлении корейского урегулирования предопределяется отсутствием четкого понимания, как в Сеуле, так и у соседей Кореи, в отношении рациональных и действенных путей в целях вывода ситуации из нынешнего тупика. Сегодня уже нет необходимости повторять, что соседствующие с Кореей государства своей невнятной и непоследовательной политикой в отношении КНДР, проводившейся в 90-е и начале нулевых годов, фактически упустили шанс воспрепятствовать превращению этой страны в обладателя опасных ракетно-ядерных технологий.

Пхеньян продолжает проводить ядерные испытания и ракетные запуски, форсирует работы по укреплению и диверсификации оружия массового уничтожения. Достаточно очевидно и то, что США и их союзники понимают бесперспективность использования для корейского случая вариантов радикальных действий, вплоть до военного вмешательства, которые применялись в отношении других государств-изгоев: Ирака, Ливии или Афганистана. С другой стороны, возможностей выхода на северокорейскую элиту, и, особенно военную верхушку в целях ее «размягчения» или раскола – что позволило бы повысить управляемость ситуацией – фактически не имеется, учитывая абсолютную закрытость страны.

Особую тревогу вызывает факт отсутствия полного единства в кругу государств, призванных нести основную ответственность в вопросах корейского урегулирования и, в частности, решения

ядерной проблемы. Единственным пунктом согласия остается общее неприятие ракетно-ядерных амбиций Пхеньяна, его претензий на статус ядерной державы и решимость добиваться отказа северокорейцев от соответствующих разработок. Однако в вопросе о методах достижения этих целей мнения сторон существенно расходятся.

Внешний фактор во многом определяет содержание межкорейских отношений и долгосрочную тенденцию их развития. Крупные военные инциденты между КНДР и Республикой Кореей, произошедшие в 2010 году, а затем и события весны 2013 года, (а именно неожиданный всплеск военно-политической конфронтации), впервые за последние десятилетия подвели ситуацию на Корейском полуострове к угрозе полномасштабной войны, вызвали серьезную озабоченность у соседних держав. Хотя ситуация и на этот раз, как это бывало в прошлом, в конечном итоге постепенно нормализовалась, произошедшие события имели важные последствия для региональной ситуации.

Прежде всего, они опрокинули традиционно преобладавшее в дипломатических кругах и в международном экспертном сообществе представление, что межкорейский конфликт на его нынешней стадии носит вялотекущий характер и в принципе не должен быть предметом обеспокоенности для других государств.

Нарастание немотивированной агрессивности со стороны Пхеньяна при Ким Чен Ыне убедило и Южную Корею, и близлежащие страны в том, что ситуацию на полуострове нельзя пускать «на самотек»; что она требует не меньшего внимания, чем, например, события на Ближнем Востоке или в Афганистане.

Для КНДР негативным итогом курса на конфронтацию стало ухудшение отношений с ключевым внешним партнером – Китаем. КНР стремится обеспечить контроль над ситуацией в КНДР и на Корейском полуострове. Однако хронический системный кризис в Северной Корее и ракетно-ядерные амбиции Пхеньяна вызывают в Пекине отрицательную реакцию. 2013-2014 гг. были ознаменованы заметным охлаждением китайско-северокорейских отношений, введением со стороны КНР усиленного таможенного режима, ограничением поставок энергетических ресурсов, поддержкой Китаем резолюций Совета Безопасности ООН, осуждающих действия КНДР.

Политика всех без исключения региональных держав строится из расчета возможной адаптации КНДР к современным политическим и экономическим реалиям в качестве условия нормализации ситуации на Корейском полуострове. При этом проявляется озабоченность тем, в какой мере решение корейского вопроса будет проведено с учетом интересов соседних государств и региональной безопасности в целом.

Так, Россия и Китай традиционно продолжают выступать за поиск решения северокорейских проблем политико-дипломатическими средствами, главным образом за счет создания необходимых предпосылок для возобновления давно прерванных шестисторонних переговоров. Слабым местом в их позиции является отсутствие четких идей о том, что нужно сделать для практического возобновления работы этого механизма, и, что еще более важно, каким образом обеспечить эффективность коллективных действий, главной целью которых должно быть ядерное разоружение Северной Кореи.

Позиция Москвы и Пекина сопряжена с осознанием рисков, связанных с тем, что возможное применение неоправданно жестких методов воздействия на КНДР способно либо вызвать крайне агрессивную реакцию со стороны последней, либо подвести ситуацию к коллапсу режима. Решающими здесь являются опасения, что неконтролируемый распад режима и, тем более, государственности на севере полуострова могут быть чреваты непредсказуемыми последствиями, создающими многочисленные угрозы у границ Китая и России с Северной Кореей.

В любом случае действенность международных санкций во многом будет определяться согласием Москвы и, в первую очередь, Пекина соучаствовать в подобных мероприятиях. Между тем последнее развитие событий дает основания полагать, что в Китае действительно усиливается недовольство поведением своего партнера.

В свою очередь США полагают возобновление шестисторонних переговоров задачей практически нереализуемой. Это аргументируется ссылками на предыдущий опыт, который показал, что Пхеньян в прошлом использовал такой формат диалога исключительно в целях получения безвозмездной помощи, а также

выигрыша во времени для реализации своих ракетно-ядерных программ. Соответственно, Вашингтон выступает за консолидацию заинтересованных стран на платформе жесткого прессинга в отношении Северной Кореи по формуле «шесть минус один». В отсутствие других конструктивных идей главной целью подразумевается поэтапное усиление нажима на Пхеньян при опоре как на легитимные международные санкции, так и на односторонние рестрикции.

Подобный подход исходит из предположения, что в результате создания неприемлемых условий для существования северокорейского режима он рано или поздно будет вынужден пойти на уступки и принять предъявляемые к нему требования.

Уязвимость такой позиции заключается в необходимости поддерживать координацию действий вовлеченных в переговоры региональных держав. В частности, эффективность санкций во многом зависит от регулярных консультаций Вашингтона не только с Сеулом и Токио, но также с Пекином и Москвой.

В свою очередь, проведение США совместно с Японией и Республикой Корея консолидированной политики в отношении КНДР на основе сверхжесткого подхода также достаточно проблематично из-за существующих между союзниками трений. Так, Япония, которая на словах выступает одним из наиболее стойких сторонников жесткого курса в отношении Пхеньяна, на практике стремится к сохранению каналов связи с северокорейцами на официальном, пусть и не слишком высоком уровне, мотивируя это необходимостью обсуждения гуманитарной повестки.

Декларирование целей улучшения межкорейского сотрудничества остается базовой объединяющей частью стратегии региональных держав. В ближайшей перспективе развитие и сам характер межкорейских отношений в значительной мере будет определяться динамикой внутривнутриполитической ситуации в Северной Корее, особенно в верхних эшелонах власти. Это продиктует сохранение неопределенности, неустойчивости, прежде всего, из-за возможных частых перемен в настроениях и сопутствующим им практическим действиям в политике северокорейских лидеров. Возможные флуктуации могут осуществляться в весьма широких пределах – от «дипломатии улыбок» и ограниченных шагов по развитию сотрудничества (в формах, выгодных, прежде всего,

Пхеньяну) до возвращения на рельсы конфронтации и возобновления военных угроз.

При существующих расхождениях Республике Корея и региональным державам будет практически невозможно делать ставку только на один, пусть даже наиболее логичный вариант загрузки отношений с КНДР, и придется держать в уме сразу несколько вероятных сценариев, учитывающих как возможные действия Пхеньяна, так и оптимальную линию Сеула в конкретно складывающихся условиях.

В сложившихся условиях пока нет предпосылок для разработки детально прописанной «дорожной карты» развития отношений с КНДР, рассчитанной на среднесрочную (4–5-летнюю) перспективу. Вместе с тем, целесообразно наметить некоторые узловые проблемы, поиск подходов к решению которых означал бы сближение позиций по ключевым вопросам межкорейского сотрудничества и поддержания безопасности на Корейском полуострове.

Одна из ключевых задач – обсуждение вероятных основных характеристик объединенной Кореи, ее роли в Северо-восточной Азии и принципов взаимоотношений с региональными державами. Особо следует выделить тему возможного сохранения присутствия в Корее зарубежных вооруженных сил и соответствующей инфраструктуры.

Политический кризис 2013 г. сблизил позиции региональных держав в оценке пагубности ракетно-ядерных амбиций КНДР. Однако всем участникам переговоров по урегулированию ситуации на Корейском полуострове предстоит сделать многое для сближения своих позиций, с тем чтобы избавить КНДР от роли «буферного государства» между Китаем и Россией, с одной стороны, и США, Республикой Корея и Японией – с другой. Только в этом случае появятся благоприятные условия для обеспечения мира и сотрудничества на Корейском полуострове в качестве предпосылки объединения Севера и Юга Кореи.

3.1. Треугольник КНР, Япония и РК в состоянии неустойчивости: последствия для Корейского полуострова

Характер политических и экономических процессов в Северо-Восточной Азии в 2012-2014 гг. оказался в значительной мере неожиданным для многих экспертов, дипломатов и бизнесменов. В предшествующее десятилетие в регионе сложились весомые предпосылки для продвижения в сторону укрепления региональной интеграции и политического диалога.

Традиционным стало проведение ежегодных саммитов лидеров Китая, Японии и Республики Корея. Переговоры, проведенные в 2007-2012 гг. привели к заключению в мае 2012 г. соглашения об инвестиционном сотрудничестве трех стран, одновременно было заявлено о стремлении подготовить трехстороннее Соглашение о свободной торговле, означающем дальнейшее продвижение к интеграции КНР, Японии и РК, являющихся первой, второй и четвертой экономиками Азии.

Наблюдатели отдавали себе отчет в том, что достижение договоренности между Пекином, Токио и Сеулом будет затруднено из-за тяжелого исторического наследия и нерешенных территориальных споров. При всем том взаимная заинтересованность в экономическом сближении подталкивала «тройку» к поиску компромиссов при обсуждении внешнеполитических вопросов и выработке согласованной позиции относительно содержания и перспектив интеграции в СВА и на тихоокеанском уровне.

Кроме того, участники переговоров приступили к поиску новых форм гуманитарного взаимодействия, которое рассматривалось в качестве обязательного дополнения региональной экономической интеграции, а возможно, и как временная альтернатива отсутствующему политическому единству и общим политическим ценностям.

В конечном итоге все это заставляло страны СВА преодолевать узкие места в межгосударственных отношениях путем укрепления в своей внешней политике роли региональной интеграции.

Между тем напряженность в регионе в 2012-2014 гг. обострилась до такой степени, что возникла угроза развитию торгово-экономических обменов. В эпицентре конфликта оказался спор вокруг расположенных в Японском море островов (яп. Сенкаку, кит. Дяоюйдао), на которые претендуют Японии и КНР, а также островов (кор. Токто, яп. Такэсима), оспариваемых Японией у Республики Корея. В свою очередь между Пекином и Сеулом сложились расхождения относительно путей урегулирования кризиса на Корейском полуострове.

В наибольшей степени конфликтный характер приобрели японо-китайские отношения. Территориальный спор двух соседей и ведущих мировых экономических держав усугубляется тяжелым историческим наследием, а также предположениями о наличие в спорных районах месторождений углеводородного сырья.

Вместе с тем все эти причины не дают исчерпывающего объяснения масштабов нынешней межгосударственной полемики. Тем более, что данный конфликт не первый в этом регионе. В 2005 г. также отмечалось обострение межгосударственных отношений в США, однако возникшая в то время полемика относительно оценки исторического прошлого и сопровождавшая их отмена официальных визитов не повредила интенсивному расширению торговли и инвестиционных обменов. Напротив, последний кризис сопровождался в 2012-2013 гг. снижением японского экспорта в Китай и переориентацией японских инвестиций с китайского рынка на рынки государств Юго-Восточной Азии. Под вопросом оказалась реализация совместных региональных программ.

Помимо традиционных причин современный конфликт подпитывается дополнительными факторами. Странам региона приходится отвечать на внутренние проблемы, связанные с новым этапом развития. Япония, пережив трудный, затянувшийся этап нормализации финансовой системы столкнулась с необходимостью кардинальной модернизации базовой инфраструктуры, в первую очередь, энергетики и транспорта, которая уже давно нуждалась в обновлении. Проблема Фукусимы лишь актуализировала этот вопрос. На повестке дня также стоит активизация развития инновационного комплекса, который призван обеспечить расширение внешнеэкономической экспансии.

В Китае вынуждены решать задачу не только поднятия эффективности госсектора и проведения его приватизации, но и

повышения конкурентных начал в экономике, реформирования системы социального обеспечения, активизации развития науки и образования. По-прежнему трудноразрешимой остается проблема неравенства в распределении доходов, в доступе к социальным благам, в степени развитости регионов.

В свою очередь, Республика Корея испытывает потребность в преодолении застарелой проблемы дисбаланса между крупным и малым бизнесом, что непосредственно связано с решением вопроса перераспределения доходов. Злободневно также повышение инновационных возможностей национального бизнеса.

Примечательно, что во всех трех странах требующие своего разрешения экономические вопросы наслоились на социальные и внутриполитические проблемы. В частности, кризисным явлением становятся демографические деформации, включая гендерные диспропорции, а также старение населения. Рецепт решения этих вопросов пока не найден. В Китае обсуждается возможность отмены принципа «одна семья – один ребенок». В Республике Корея и Японии пытаются использовать модель маятниковой миграции из стран ЮВА. Коррупция остается злободневной проблемой, причем в Китае она выступает важнейшей непосредственной угрозой социально-политической стабильности.

Наконец, вовлечение этих государств во внешнеполитическую полемику практически одновременно происходило на фоне подъема уровня внутриполитических баталий. В странах СВА идет процесс адаптации политических институтов к новым социально-экономическим реалиям. В Японии и Республике Корея формирование двухпартийной системы сопровождается кризисами, постановками вопросов об уровне общественного доверия элитам. В Китае зарождение среднего класса ставит в повестку дня тему повышения эффективности социальных лифтов, а также механизма выражения политических интересов разных социальных групп, включая бизнесменов, интеллектуалов, региональных лидеров.

Очередная плановая ротация элит в Китае, борьба за возвращение к власти либерально-демократической партии в Японии, острое соперничество на президентских выборах в Южной Корее (на фоне непредсказуемых перемен в Северной Корее) требовали поддержания внутренней устойчивости и максимального

доверия государственному руководству. В этих условиях использование фактора управляемого национализма позволяло элитам избежать угрозы нестабильности во внутренней политике.

Таким образом, по традиционной схеме остроту внутренних конфликтов пытаются нивелировать активизацией отстаивания погранных (явно или мнимо) национальных интересов на международной арене. Проблема состояла в том, что к теме возникшей угрозы национальным интересам одновременно обратились соседние государства. В этом смысле, затеянное Токио юридическое «переоформление» принадлежности спорных островов, оказалось весьма востребованной в регионе проблематикой. То, что в других обстоятельствах явилось бы предметом дипломатических консультаций и межгосударственных переговоров, в сложившихся условиях стало поводом для открытых обвинений в экспансионистских намерениях, общественных выступлений, а то и погромов, а в конечном итоге маневров пограничных кораблей и авиации.

Похоже, что конфликт, выполнив свою задачу мобилизации общественного патриотизма, в случае его дальнейшего расширения стал угрожать рисками, подрывающими региональную стабильность и сотрудничество, что не входит в стратегические интересы ни одной из вовлеченных в него сторон.

Придя к власти в 2012 г. новые руководители Китая (генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин), Японии (премьер-министр С. Абэ), Республики Корея (президент Пак Кын Хе) предприняли меры к возобновлению трехстороннего диалога. По всей видимости, участники переговоров попытаются снизить возникшее напряжение. В тактическом плане, скорее всего, им удастся взять под контроль негативные тенденции.

Сложнее с оценкой долгосрочных перспектив. «Территориальный кризис» 2012-2014 гг. в СВА продемонстрировал, что уровень политического сотрудничества и взаимного доверия существенно отстает от достигнутых масштабов торгово-экономических обменов, а еще больше от потребностей интеграционного сближения трех стран. Отсутствуют политические институты, способные предотвратить конфликты или, как минимум, стать амортизаторами кризисных явлений в области безопасности. Между тем перспективы социально-экономического развития трех

стран в долгосрочной перспективе в значительной степени будут зависеть от способности Китая, Японии и Республики Корея внести свою лепту в поддержание в СВА атмосферы политического доверия и сотрудничества.

Однако свертывание набравших силу в регионе деструктивных тенденций представляет собой сложную дипломатическую задачу. Более того, поскольку окончательно оздоровить обстановку пока не удалось, сохраняются условия для возникновения новых очагов напряженности.

В конце ноября 2013 г. КНР было принято решение о введении опознавательной зоны ПВО, охватывающей территорию оспариваемых Китаем у Японии островов, а также часть аналогичной опознавательной зоны, установленной Республикой Корея. При этом китайские власти потребовали, чтобы гражданские и военные самолеты, пролетающие через этот район, докладывали о своем маршруте и радиочастотах. Свое критическое отношение к подобному шагу Пекина помимо Токио выразили Канберра и Сеул. Что касается вашингтонской администрации, то вице-президент Джо Байден заявил о том, что США не признают одностороннее решение Китая.¹ В соответствии с этой установкой американские военные самолеты, а также воздушные суда ВВС Японии и Южной Кореи будут продолжать пересекать указанную зону без предупреждения.

Сложилась политически опасная ситуация: соседи Китая не считают действия Пекина юридически обоснованными, в то же время китайское руководство не намерено даже обсуждать возможность отмены принятого решения об опознавательной зоне ПВО. Таким образом, ни одна из сторон не готова к компромиссу, боясь потерять лицо. В этих условиях любое происшествие на море и в воздухе в спорной территории, которое могло бы быть истолковано региональными державами как вызов своим жизненно важным интересам, гипотетически способно привести к быстрому и плохо контролируемому переходу случайного происшествия в стадию военного инцидента, угрожающего в дальнейшем быстро развиться в полномасштабное политическое противостояние, а то и в локальный военный конфликт.

---

¹ А. Братерский. Предпоследнее американское предупреждение.
http://www.gazeta.ru/politics/2013/12/06_a_5787153.shtml

Объективно ни одна из сторон не заинтересована в стратегическом обострении отношений с региональными державами, а потому такое развитие событий все же представляется маловероятным. Тем не менее, межгосударственная риторика достигла опасного с точки зрения дипломатического этикета уровня. Символичным в этом плане стали высказывания в начале 2014 г. премьер-министра Японии Синдзо Абэ на Форуме в Давосе. Уже привычно С. Абэ объяснил свое посещение храма Ясукуни потребностью отдать дань памяти всем погибшим в войнах и помолиться о мире на земле.² Одновременно он высказал политически «взрывоопасное» суждение, сравнив нынешний характер японо-китайских отношений с противостоянием между Германией и Великобританией перед Первой мировой войной, отметив, что наращивание Китаем военных расходов – одна из основных причин нестабильности в регионе.³

Заявление, главы японского правительства, которое претендует на выражение озабоченности относительно перспектив обеспечения безопасности и поддержания военно-политической стабильности в США, оставляет без ответа вопрос, что же позволяет упомянутые страны сравнить с имперской Великобританией или с претендовавшей на лидерство в Европе кайзеровской Германией? Дальнейшие комментарии и уточнения представителей аппарата японского правительства о том, что С. Абэ вовсе не имел в виду возможность начала японо-китайской войны в ближайшее время, не смогли потушить разгоревшуюся критику, причем не только за рубежом, но и внутри страны. Так, лидер крупнейшей оппозиционной Демократической партии Японии Банри Кайэда осудил высказывания премьер-министра, призвал признать их неудачными и исключить возможность со стороны Японии повторения войн с азиатскими соседями.⁴

Тем более не удивительно, что в Пекине подобная риторика вызвала резкий отпор. Официальный представитель МИД КНР заявил, что высказывание С. Абэ «таит в себе абсолютно четкую скрытую угрозу», посчитав само сравнение Японии с

---

² В токийском храме Ясукуни поклоняются душам воинам, погибшим за Японию и императора. Среди почитаемых в святилище есть несколько военачальников, признанных международным трибуналом военными преступниками. Посещение японскими политиками этого храма критикуется за рубежом, в первую очередь, в КНР и Республике Корея.

³ http://rus.ruvr.ru/2014_01_24/Premier-JAponii-razgneval-Kitaj-3086

⁴ <http://russian.cri.cn/841/2014/01/28/1/28/1s499189.htm>

Великобританией невольным свидетельством наличия тайных планов «правого крыла Японии попытаться сдержать Китай», при том, что «у Китая нет ничего общего с предвоенной Германией», напротив, «развитие Китая – шанс, а не угроза для Азии и всего мира».⁵

Озабоченность напряженностью между КНР и Японией, способной перерасти в вооруженный конфликт, выразил командующий вооруженными силами США на Тихом океане адмирал Сэмюэль Локлир.⁶

Прозвучавшее в дальнейшем предложение С. Абэ о переговорах, обращенное к китайскому руководству, не встретило в Пекине положительного отклика. Китай рассчитывает на недвусмысленный отказ от прозвучавших в выступлениях японского премьер-министра политических оценок.

Обострившийся в СВА политический кризис позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, механизм регионального экономического сотрудничества оказался не в состоянии не только совершенствоваться, но наверняка будет испытывать трудности функционирования в уже наработанном режиме без параллельного преодоления тяжелого исторического наследия и в условиях обострения территориальных споров между Японией с одной стороны, Китаем и Республикой Корея – с другой.

Во-вторых, параллельно со строительством региональных экономических институтов насущной задачей становится формирование региональных организаций, содействующих политическому диалогу и обсуждению возможностей обеспечения безопасности расположенных в СВА государств.

В-третьих, хотя в эпицентре политического конфликта оказались Пекин и Токио, происходящее в той или иной мере затрагивает приоритеты всех региональных держав, включая США и Республику Корея. Более того, возможно расширение участников конфликта по мере того, как станут затрагиваться интересы других

---

⁵ http://rus.ruvr.ru/2014_01_24/Premier-JAponii-razgneval-Kitaj-3086

⁶ Там же.

государств.

В-четвертых, если в предшествующие годы внимание региональных держав фокусировалось на вопросах социально-экономического развития, то в условиях внешнеполитического противостояния создаются благоприятные возможности для наращивания военного потенциала, в качестве аргумента во внешней политике и в качестве фактора обеспечения национальной безопасности. Тем самым появилась реальная угроза возрастания в регионе гонки вооружения.

В-пятых, учитывая глубину накопившегося политического противостояния трудно рассчитывать на решения в ближайшей перспективе территориальных споров. Между тем существуют весомые аргументы в пользу возникновения противоположной тенденции, в основе которой лежат все те же экономические факторы. Остро ощутимая потребность экономического развития стоит в повестке дня во всех странах СВА. Этот побудительный мотив будет заставлять региональные державы искать пути возобновления широкомасштабного сотрудничества. Однако в данном случае государствам придется, по крайней мере, «заморозить» обсуждение территориальных проблем в их нынешнем состоянии, и постепенно начать развязку спорных вопросов, накапливая потенциал взаимного доверия.

Подключение в этому процессу США, ЕС, России и других влиятельных «игроков», заинтересованных в устойчивом развитии экономик стран СВА и упрочения региональной безопасности, позволило бы придать позитивным тенденциям необходимую предсказуемость и устойчивость.

3.2. Китай: приоритет за обеспечением безопасности

Руководство КНР демонстрирует готовность модифицировать свою политику на Корейском полуострове и вносит определенные коррективы в свои взаимоотношения с Пхеньяном, однако изменения китайского подхода к проблемам межкорейских отношений происходят поэтапно.

Китай по-прежнему сдержанно относится к своему участию в любых действиях, способных привести к краху северокорейского режима – поддержка КНДР, пусть скрытая, чем явная, по-прежнему

остается важным стратегическим курсом Пекина даже в изменившихся международных условиях. Согласно этим построениям, сохранение стабильности и баланса сил на Корейском полуострове является высшим приоритетом, коль скоро это служит безопасности КНР.

Однако, если до сих пор Пекин исходил из тезиса об отстаивании своих интересов лишь при условии сохранения существования двух корейских государств, то в условиях продолжающегося разложения северокорейского режима Китаю приходится рассматривать свои вероятные действия в случае дестабилизации ситуации в КНДР и формирования реальных возможностей появления единой Кореи. Учитывая это обстоятельство, китайское руководство стоит перед необходимостью проработать все возможные сценарии, в любом случае готовясь к тому, чтобы направить события (в результате реального или гипотетического краха Северной Кореи) в предсказуемое и выгодное для интересов Китая русло. Отсюда активизация действий и привнесение большей гибкости в политике Пекина на корейском направлении.

Принимая во внимание растущую политическую напряженность, проявившуюся в Северо-Восточной Азии, закономерным представляется то обстоятельство, что для Китая приоритетным в корейском урегулировании являются вопросы, связанные с обеспечением безопасности. В этом плане у китайского руководства есть претензии, как к Югу, так и к Северу Кореи. Тем не менее, КНР стремится быстро реагировать на изменения политической ситуации, в том числе оперативно отвечать на положительные сигналы, исходящие из Сеула.

Однако в последнее время проявились новые обстоятельства, заставляющие Пекин вносить корректировки в свою политику на корейском направлении. Речь идет о взаимовлиянии внутривнутриполитических процессов и реализации внешнеполитической стратегии. Поддержка агрессивного внешнеполитического курса Пхеньяна грозит Пекину не только обострением противостояния с региональными державами, но и усилением внутри страны сторонников жесткого политического курса и приверженцев наращивания мощи армии и оборонного потенциала в ущерб решению стратегических задач социально-экономического развития. Что, судя по всему, не отвечает долгосрочным интересам нынешнего

руководства КНР во главе с Си Цзиньпином. Кроме того, немаловажное значение имеет личностный фактор: кому из корейских лидеров и в какой степени может довериться Китай при обсуждении актуальных вопросов. Таким образом, позиция Китая в отношении перспектив решения проблем Корейского полуострова определяется комплексом причин военно-политического, экономического, исторического и, не в последнюю очередь, личностного характера.

В этом контексте чрезвычайно важно по достоинству оценить визит председателя КНР в Республику Корея, состоявшийся 3-4 июля 2014 г., значение которого выходит далеко за рамки отношений двух стран. Пятая за последние два года встреча председателя Си Цзиньпина и президента Пак Кын Хе выделяется из череды подобных мероприятий.

Уже сам факт нынешней поездки китайского лидера несет в себе конкретное и весьма выразительное политическое содержание. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что глава КНР свой первый государственный визит на Корейский полуостров осуществил в Сеул, а не в Пхеньян. Без всяких натяжек это событие можно назвать этапным для отношений в треугольнике Китай-КНДР-Республика Корея. Северокорейскому руководству послан недвусмысленный сигнал о критическом отношении Пекина к нынешней внутренней и внешней политике Пхеньяна. Системный социально-экономический кризис, отсутствие сколько-нибудь внятной стратегии развития КНДР на фоне агрессивной риторики, а также череды экспериментов с запусками ракет и испытанием ядерных устройств вызывают в КНР глубокую озабоченность.

Попытки китайского руководства вразумить союзника перенастроить свою казарменную внутреннюю и авантюрную внешнюю политику на конструктивный лад завершились арестом и скоропалительной казнью Чан Сон Тхэка, возглавлявшего переговоры с КНР. Такое развитие событий не могло остаться без соответствующей оценки со стороны Китая. И она была дана демонстративным визитом в Сеул. Пхеньян может удовлетвориться тем, что в совместном коммюнике упомянута задача избавления от ядерного оружия Корейского полуострова, а не исключительно КНДР, а также пожеланием Си Цзиньпина добиться поставленной цели исключительно путем переговоров, для чего необходимо возобновить шестисторонний диалог (с участием Северной и Южной

Кореи, Китая, США, России и Японии). Однако Сеул и Пекин выступили против новых ядерных испытаний, а это уже подразумевает прямую критику Пхеньяна.

Южнокорейский визит Си Цзиньпина неизбежно порождает сопоставления с прошедшим в апреле 2014 г. посещением Республики Корея президентом США Бараком Обамой. Сеул оказывается на пересечении приоритетов американской и китайской тихоокеанской дипломатии. При президенте Ли Мен Баке Южная Корея безоговорочно следовала в фарватере Соединенных Штатов. Сейчас складывается иная ситуация. Нынешняя американская администрация выступает за укрепление военно-политического сотрудничества с РК. Более того, на уровне американских политических и военных экспертов активно обсуждается необходимость формирования полноценного тройственного союза Вашингтон-Токио-Сеул. Причем этот мощный во всех отношениях «треугольник» призван сдерживать растущее присутствие в регионе Китая.

Между тем президент Пак Кын Хе обозначила в качестве стратегической задачи необходимость развивать «евразийское направление» своей внешней политики, прежде всего, за счет укрепления связей с Китаем и Россией. Этот курс вызывает поддержку Пекина, тем более что, несмотря на давление США, южнокорейская администрация уклоняется от размещения на своей территории американской системы ПРО, вызывающую серьезное беспокойство КНР. Подчеркивая свою лояльность стратегическому союзу с США, южнокорейское руководство, тем не менее, хотело бы обеспечить безопасность от северокорейских угроз за счет собственных оборонительных систем, не провоцируя КНР. И такой подход находит понимание китайской стороны.

Подрывает вероятность формирования тройственного союза и близость Южной Кореи и Китая в осуждении Японии, которая, по мнению двух стран, недостаточно делает для расчета со своим историческим прошлым, омрачающим взаимоотношения Токио с соседними странами Азии. В связи с этим логично прозвучали критические оценки Южной Кореей и Китаем возможности усиления военной роли Японии в Тихоокеанской Азии.

В ходе китайско-южнокорейских переговоров большое внимание было уделено торгово-инвестиционному и

инновационному сотрудничеству при том, что в поездке Си Цзиньпина сопровождали 200 представителей китайского бизнеса. Руководители первой и четвертой экономик Азии, чей товарооборот в 2013 г. составил 230 млрд. долл., исходят из того, что обе страны сталкиваются в своем развитии с решением сходных задач. Речь идет о структурной перестройке в пользу высокотехнологичных отраслей, развития фундаментальной и прикладной науки, модернизации инфраструктуры. Достигнута договоренность о совместных программах в освоении биотехнологии, новых материалов и возобновляемых источников энергии. Обе страны ищут пути оптимизации своего участия в региональных интеграционных процессах, что побуждает Пекин и Сеул согласовывать свои внешнеэкономические решения. В итоге, обе страны договорились до конца 2014 г. заключить двустороннее соглашение о свободной торговле, а также приступить к использованию во взаимных расчетах национальных валют.

Особое внимание стороны уделили программам культурного сотрудничества. В недавнем прошлом обозначилась конкуренция двух стран в области культуры. Причем преимуществом явно владела южнокорейская сторона, в результате чего Китаем вводились квоты на соответствующую южнокорейскую продукцию. Похоже, теперь обе страны посчитали полезным направить гуманитарное взаимодействие в конструктивное русло, одобрив программу культурных обменов.

Наконец, нельзя не отметить и еще один, внутрикитайский аспект визита руководителя КНР в Республику Корея. Похоже, столь демонстративно выраженное предпочтение Сеула перед Пхеньяном стало сигналом, посланным ортодоксальным кругам партийной и военной бюрократии в самом Китае. Одним своим неординарным внешнеполитическим шагом Си Цзиньпин смог продемонстрировать китайским элитам свою готовность положительно реагировать на позитивные шаги внешних партнеров, а также на практике предпочесть дипломатический маневр перед прямолинейным сценарием силового давления при решении внешнеполитических проблем. Это дает лишнее основание убедиться, что сенсационное обращение китайского руководителя к Сеулу через голову Пхеньяна не дипломатический экспромт, а тщательно взвешенный стратегический политический шаг.

Все это позволяет отнести состоявшийся визит председателя

Си Цзиньпина в Республику Корея к тем случаям, когда через призму дипломатической практики проявляются сразу несколько важных тенденций: последовательный курс нынешнего китайского руководства на проведение институциональных преобразований внутри страны, согласие КНР и РК активизировать попытки развязать «корейский узел», готовность Пекина и Сеула ослабить накал политического напряжения в Северо-Восточной Азии, избегая чрезмерного военного давления, а также стремление двух стран обеспечить за счет совместных усилий устойчивое экономическое развитие и воздействие на интеграционные процессы.

Двум странам еще предстоит преодолеть немало проблем. Так, с 1996 г. остается нерешенным вопрос о согласовании морской зоны исключительных экономических интересов. Переговоры по этому вопросу решено возобновить в 2015 г. Тем не менее, председатель Си Цзиньпин, продемонстрировавший эффективность «мягкой силы» перед жестким давлением, несомненно, может занести себе в актив результаты саммита в Сеуле. В свою очередь, итоги состоявшихся переговоров, закрепившие курс Республики Корея на стратегическое партнерство с Китаем, президент Пак Кын Хе также может считать своим несомненным успехом. Однако ее администрации придется мобилизовать все свое дипломатическое мастерство, чтобы продолжать успешно балансировать между США и Китаем.

3.3. Япония: на повестке дня – проблема похищенных граждан

Япония при администрации Синдзо Абэ в своих отношениях с КНДР отдает приоритет решению проблемы похищенных граждан, отодвигая общие вопросы корейского урегулирования на второй план. В ходе состоявшихся в Пекине между Японией и КНДР переговоров 2 июля 2014 г. было достигнуто соглашение, предусматривающее обязательство новых властей в Пхеньяне провести дополнительное расследование судьбы японских граждан, похищенных в 70-80-х годах северокорейскими спецслужбами и переправленными в КНДР.

В ответ Япония, в соответствии с принципом «действия в ответ на действие», приняла решение снять с Северной Кореи часть санкций. При этом С. Абэ отметил готовность к сотрудничеству администрации Ким Чен Ына, принявшей решение о создании

«специального следственного комитета» во главе с заместителем министра государственной безопасности, наделенного чрезвычайными полномочиями и призванного разобраться с каждым конкретным случаем похищения.

Примечательно, что северокорейские власти, стремясь продемонстрировать свой позитивный настрой на сотрудничество, пошли на то, чтобы проинформировать японскую сторону о структуре созданного следственного органа, распределение в нем обязанностей, а также заверили Токио, что рассчитывают получить и передать результаты проведенного расследования «как можно быстрее». Складывается впечатление, что Пхеньян делает все возможное, чтобы не сорвать договоренности, непосредственно перед началом переговоров председателя КНР Си Цзиньпина в Сеуле с южнокорейским президентом Пак Кын Хе.

Премьер-министр С. Абэ пытается решить сложную дипломатическую задачу: с одной стороны – добиться, наконец, от властей КНДР правдивой информации о судьбе похищенных граждан, на чем настаивает японская общественность, что потребует встречных уступок северокорейскому режиму; с другой стороны – найти убедительные аргументы для Республики Корея и США, подтверждающие приверженность Японии согласованным действиям по избавлению от северокорейской ядерной угрозы.

Администрации Б. Обамы и Пак Кын Хе, а также китайское руководство официально выразили понимание в отношении стремления правительства С. Абэ решить застарелую гуманитарную проблему, чрезвычайно чувствительную для народа Японии. Вместе с тем, сохраняются внешнеполитические риски достигнутого японо-северокорейского соглашения. США и Южная Корея настаивают на транспарентности возможных договоренностей между Японией и КНДР. Со своей стороны, КНР внимательно следит за развитием японо-северокорейских связей, на официальном уровне выражая надежду, что они послужат миру на Корейском полуострове.

Как бы то ни было, благодаря переговорам с японскими властями, администрация Ким Чен Ына получила шанс решать свои внешнеполитические вопросы на двустороннем уровне, избегая противостояния с единой согласованной позицией региональных держав.

Между тем для Японии попытки наладить сотрудничество с КНДР по вопросам, связанным с прояснением судьбы похищенных граждан, представляют собой сложную политическую задачу. Токио предстоит подталкивать Пхеньян к достижению скорейшего положительного результата, который ожидает японская общественность. В то же время поддерживать скоординированные с Вашингтоном и Сеулом шаги по обеспечению безопасности и политической предсказуемости на Корейском полуострове.

3.4. Корейское урегулирование в политике администрации Барака Обамы

Визит президента США Б. Обамы 25-26 апреля 2014 г. в Сеул должен был прояснить, во-первых, в чем «перебалансировка» американской внешней политики в Азии проявляется на Корейском полуострове, во-вторых, что подразумевает политическая мобилизация американских союзников в связи с кризисом российско-американских отношений из-за событий на Украине.

В ходе состоявшихся переговоров и официальных мероприятий Вашингтон подтвердил неизменность своей готовности стоять «плечом к плечу» с Сеулом, опираясь на союзный договор. Назвав Северную Корею слабым «государством–изгоем», Б. Обама предупредил КНДР, что США в случае необходимости не будут «колебаться использовать нашу военную силу для защиты наших союзников и наш образ жизни». Это заявление президента дополняет позицию Вашингтона о неприемлемости реализации в Восточной Азии в любом виде «крымского варианта» решения спорных территориальных проблем. При этом оно адресовано как американской общественности, так и азиатской аудитории.

Обращаясь к северокорейскому руководству, американский президент заявил, что перед КНДР стоит выбор: самоизоляция, или интеграция в мировое сообщество, обеспечивающее больше возможностей, больше безопасности и больше уважения. Высказанное Б. Обамой предупреждение Ким Чен Ыну в Сеуле вправе оценить как поддержку в противостоянии ядерному шантажу Пхеньяна. В свою очередь, северокорейские средства массовой информации обрушили на Б. Обаму и южнокорейского президента Пак Кын Хе лавину критики и оскорблений.

Вместе с тем, визит, хотя и подтвердил традиционные предпочтения американской дипломатии, но не дал адекватного представления о конкретных путях решения актуальных региональных проблем безопасности и межкорейских отношений. Переговоры американского лидера с президентом Пак Кын Хе не прояснили, в чем же состоят нынешние приоритеты США и их союзников на Корейском полуострове и какую стратегию в отношениях с КНДР они считают наиболее целесообразной. Нет надлежащей ясности относительно того, как США оценивают возможность сотрудничества с Россией по вопросам корейского урегулирования.

Отчетливо прозвучал лишь призыв американского и южнокорейского президентов к китайскому руководству активнее повлиять на северокорейскую администрацию с тем, чтобы заставить ее проявить сдержанность в своих ядерных и ракетных амбициях. Тем самым продолжился проводимый администрацией Обамы курс на одновременное сдерживание Китая и использование его влияния при решении конкретных внешнеполитических задач.⁷

В свою очередь в ходе визита американского президента и двухсторонних переговоров не была проявлена явная готовность южнокорейской стороны активно участвовать в наращивании антироссийских санкций. Скорее можно говорить о лояльных действиях американского союзника, осторожно просчитывающего негативные последствия своих действий. На практике это проявляется в том, что политическая позиция Сеула по Крыму согласуется с мнением Вашингтона. Однако, очевидно стремление южнокорейской стороны избежать глубокого втягивания в политику ограничения экономических отношений с Россией, которые в последние годы динамично развивались к взаимной выгоде. Кроме того, Республика Корея не без оснований рассчитывает на поддержку Россией противодействия расширению ядерного потенциала КНДР и объединения Кореи.

В то же время Республика Корея вынуждена считаться со сложившимися внешнеполитическими реалиями и несколько

---

⁷ Государственный секретарь США Джон Керри в ходе состоявшегося в Пекине ежегодного китайско-американского диалога заверил, что «США не добиваются сдерживания Китая» // Независимая газета. 10.07.2014. с.7. Это многообещающее заявление главы американского внешнеполитического ведомства должно пройти испытанием практики двусторонних американо-китайских отношений.

приглушить пропагандистское сопровождение проводимого администрацией Пак Кын Хе «евразийского курса», подразумевающего более тесное сближение с Китаем и Россией.

Вместе с тем Сеул намерен не только обеспечить свою безопасность за счет альянса с США, но и уделить внимание глубокой модернизации своего военного потенциала. Принять такое решение Южную Корею побуждает ухудшение политической ситуации в Северо-Восточной Азии, в том числе напряженность японо-китайских отношений. Возникающее в связи с этим беспокойство определяет стремление Сеула провести перевооружение южнокорейской армии, дабы подготовиться не только к возможному ухудшению ситуации на Корейском полуострове, но и обострению отношений между региональными державами.

В конечном итоге, визит американского лидера в Сеул не дает оснований для вывода о сколько-нибудь существенной корректировке политики США на Корейском полуострове. Во всяком случае, прозвучавшие внешнеполитические декларации еще предстоит наполнить реальным дипломатическим содержанием.

3.5. Политика России на Корейском полуострове

Уже на протяжении четверти века Россия проводит целенаправленную политику разворота своих политических и экономических отношений в пользу стран тихоокеанского региона. Это не означает, что Москва «отворачивается от Запада», о чем случаются упоминания в средствах массовой информации. Речь идет о политике диверсификации международных связей России с учетом объективных процессов появления центров экономической, политической, «жесткой» и «мягкой» силы в Тихоокеанской Азии.

На темп и характер соответствующих изменений в российской внутренней и внешней политике оказывают негативное влияние исторически сложившаяся европоцентристская ментальность значительной части политической и деловой элиты; инерционность поведения бюрократии, традиционно связанной с партнерами из европейских стран; дефицит необходимой информации, а также недостаточная развитость инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока, граничащих с тихоокеанскими

соседями России.

Тем не менее, несмотря на объективные и субъективные трудности, в последние 10-15 лет удалось существенно укрепить энергетический потенциал восточных регионов России, создать здесь современные комплексы по добыче, транспортировке и экспорту энергетических ресурсов.

В условиях возникновения политической напряженности в отношении с США и ЕС Россия с еще большей настойчивостью «разворачивается» в сторону АТР. Эту тенденция была наглядно продемонстрирована в ходе визита президента Путина в Пекин весной 2014 г., в ходе которого было подписано долгосрочное соглашение о строительстве газопровода и поставках природного газа в КНР.

Хотя Китай останется ведущим торгово-экономическим партнером России, Москва заинтересована в устойчивой диверсификации внешнеэкономических связей. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что активизация дипломатии на корейском направлении является приоритетной и долгосрочной целью политики России в США.

В настоящее время российское правительство приступило к подготовке реализации очередной программы развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. Такого рода проекты подразумевают появления новых возможностей для привлечения иностранных капиталовложений, в том числе из Республики Корея.

Россия намерена продемонстрировать цели своей экономической политики, а также создать условия (правовые, финансовые, административные) для воплощения развития реального сектора экономики, производственной и социальной инфраструктуры.

Одновременно Москва заинтересована в продвижении своих проектов на Корейском полуострове, для чего требуется солидарная деятельность партнеров, понятные коммерческие механизмы, не говоря уже о поддержании необходимого уровня безопасности. В свою очередь, при благоприятных условиях Россия готова предложить свое участие в крупных и дорогостоящих инфраструктурных проектах, включая строительство газопровода, высоковольтных линий электропередач, модернизации железных

дорог, а также развития ряда производственных объектов в электроэнергетике, добывающей промышленности и т.д.

Курс России в направлении стратегического партнерства с Республикой Корея был продемонстрирован в ходе визита президента В. Путина в Сеул в ноябре 2014 г. и содержанием российско-южнокорейских переговоров, касающихся многих областей экономики, политики, безопасности, а также культурных и гуманитарных обменов.

Самым значимым результатом визита президента В.В. Путина в Сеул стало подписание соглашения о взаимных безвизовых поездках граждан России и Республики Корея сроком на 60 дней. Это третья такого рода договоренность, достигнутая Москвой со страной-членом ОЭСР (после Израиля и Турции).

В ходе встречи в Сеуле было подчеркнуто, что Россия и Южная Корея едины в необходимости обеспечения безъядерного статуса КНДР и готовы возобновить свое участие в «шестисторонних переговорах». Однако сторонам предстоит сблизить свое видение перспектив поддержания мира и международного сотрудничества на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

Экономический блок соглашений представлен заявленной двухсторонней готовностью продвигать реализацию крупномасштабных энергетических и транспортных проектов на Корейском полуострове. Пока же была объявлена декларация о намерении южнокорейского бизнеса войти в российско-северокорейский проект осуществления железнодорожных перевозок между российской пограничной станцией Хасан и незамерзающим портом Раджин в КНДР. Стороны заявили о стремлении развивать сотрудничество в судостроении, а также в научной и гуманитарной сферах.

Потенциал российско-южнокорейского экономического сотрудничества пока в значительной степени зависит от деятельности российских госкорпораций и крупных южнокорейских конгломератов-чэболь. Важной потребностью становится масштабное и активное подключение к развитию двухсторонних отношений частного бизнеса, в том числе малого и среднего, что

позволило бы укрепить ткань российско-корейских связей, соединяющих российский Дальний Восток и Корейский полуостров.

В перспективе российско-южнокорейское сотрудничество может охватить широкий спектр отраслей, от реализации проектов по производству в России сельскохозяйственных продуктов (в том числе с привлечением северокорейских рабочих) до возможностей сотрудничества в сфере высоких технологий. Среди высокотехнологичных отраслей особого внимания заслуживает медицина, системы связи, аэрокосмическая отрасль.

Наконец, назрел вопрос о системном присоединении России к интеграционным процессам в Северо-Восточной Азии с участием Китая, Японии и Республики Корея.

В случае развития позитивных тенденций на Корейском полуострове, укрепления межкорейских отношений и формирования условий для объединения Севера и Юга, Россия получит возможности сотрудничества с объединенной Кореей, учитывая ее реальный потенциал не только в качестве крупного производителя и поставщика на мировой рынок промышленной продукции, но и транспортного, логистического и информационно-консалтингового узла (хаба) торгово-инвестиционных операций в СВА. Эта перспектива важна для России в реализации региональных и глобальных интересов российского бизнеса. В то же время взаимодействие с Российской Федерацией расширит международные посреднические возможности объединенной Кореи.

В отличие от развивающихся российско-южнокорейских связей отношения между Россией и Республикой Корея находятся в состоянии стагнации. Российско-северокорейский товарооборот колеблется в пределах 100-200 млн. долл. и занимает незначительную долю в товарообороте той и другой стороны.

В последнее время Россия в рамках общей тенденции поиска путей развития связей с соседями по СВА изучает возможности оживить двухсторонние экономические отношения. В марте-апреле 2014 г. КНДР посетили вице-премьер российского правительства Юрий Трутнев, министр по развитию Дальнего Востока Александр Галушка, глава Республики Татарстан Рустам Минниханов.

Северокорейские власти позитивно относятся к привлечению

российских инвесторов. Было выражено намерение Пхеньяна предоставить российским деловым партнерам льготные условия коммерческой деятельности: транзакции будут осуществляться в рублях, визы российские предприниматели будут получать в упрощенном порядке, а также они смогут беспрепятственно пользоваться интернетом.

Хотя рано говорить о начале подъема двухсторонних связей, тем не менее, по оценкам министра А. Галушки, существует потенциал увеличения к 2020 г. двухстороннего товарооборота до 1 млрд. долл.

Свои встречные шаги предприняла и Россия. Государственная Дума 18 апреля ратифицировала соглашение между Россией и КНДР от 17 сентября 2012 г. о списании северокорейского долга, образовавшегося в результате кредитования Москвой Пхеньяна в 1950-80-е годы. Последние два десятилетия КНДР не производила выплату долговых обязательств России. В рамках двухстороннего соглашения из 10 млрд. 94 млн. долл. полностью списываются 90%, в то время как выплата 1 млрд. 94 млн. долл. должны в течение 20 лет поступать равными полугодовыми платежами на счет во Внешэкономбанк. Причем намечается направить всю полученную таким образом сумму на реализацию инвестиционных проектов в Северной Корее, в том числе в социальной сфере.

Представлявший в парламенте предложенный правительством документ заместитель министра финансов РФ Сергей Шаталов подчеркнул, что такая «конструкция» достигнутого соглашения позволит восстановить экономические отношения с КНДР. По его информации, пока прорабатываются два крупных инвестиционных проекта: строительство через территории КНДР газопровода в Южную Корею и организация железнодорожного сообщения.

Переговоры о долговой проблеме продолжались два десятилетия, поэтому найденное решение никак нельзя назвать конъюнктурным. Тем не менее, нынешнее постановление Государственной Думы совпало с важным периодом трансформации внешнеэкономической политики России, подразумевающей переориентацию торгово-инвестиционных связей в пользу стран АТР. В какой мере современная КНДР отвечает целям внешнеэкономической политики России?

Как уже отмечалось выше, потенциально Корейский полуостров может стать важным «мостом», при посредстве которого могли бы активно развиваться торговые, инвестиционные, научно-технические и гуманитарные связи с Азиатско-тихоокеанским регионом. Не говоря уже о возможности экспансии российских товаров, услуг и капиталов собственно на корейском направлении.

Несомненно, российско-южнокорейское торгово-экономическое сотрудничество получило бы дополнительный импульс в случае позитивных изменений в межкорейских отношениях. В этом случае открылись бы возможности для реализации крупных совместных трехсторонних проектов. Между тем российско-северокорейские экономические связи уже длительный период находятся в состоянии застоя, поскольку возвращаться к советскому типу отношений российское государство и бизнес не могут в силу объективных причин, а строить деловые контакты в полной мере на рыночных принципах пока не готова северокорейская сторона. Ситуацию усугубляют регулярно возникающие политические кризисы на Корейском полуострове.

Дело как раз в том, что радикальные перемены в экономической политике КНДР при администрации Ким Чен Ына пока не проявились, а значит, и нет гарантии возникновения необходимых «благоприятных условий» на сколько-нибудь продолжительный период.

Без кардинального изменения ситуации в экономической системе Северной Кореи нет основания ожидать появления условий для масштабного и долгосрочного трехстороннего сотрудничества с участием России, КНДР и Республики Корея.

Нет также никаких признаков, что риски реализации дорогостоящих и долгосрочных проектов в КНДР снизились, включая политическую и социальную стабильность, характер и предсказуемость экономической политики, обеспечение прав собственности, уровень коррупции, платежеспособность государства, наконец, содержание и предсказуемость внешней политики Пхеньяна, в том числе в отношении Сеула.

Последнее с точки зрения судьбы российских инвестиционных проектов особенно важно, поскольку их коммерческое содержание в решающей мере зависит от степени

заинтересованности южнокорейского бизнеса. Между тем перспектива оказаться в условиях, когда Пхеньян может повлиять на транспортное и энергетическое сотрудничество Москвы и Сеула снижает готовность южнокорейской стороны разделить с российскими партнерами возможные риски.

Поэтому можно говорить, что векторы развития отношений между Москвой и Сеулом, а также Москвой и Пхеньяном пока не совпадают. В сложившихся условиях возможны лишь относительно небольшие, пилотные программы (например, в специальных экономических зонах КНДР), тогда как масштабные энергетические и транспортные проекты, предполагающие многомиллиардное финансирование и долгосрочное трехстороннее сотрудничество РК, КНДР и РФ требуют гораздо более позитивных условий с точки зрения уровня обеспечения на Корейском полуострове безопасности, политической стабильности и прозрачности коммерческой деятельности. В ином случае, реализовав крупные инфраструктурные проекты, Россия может столкнуться с проблемами «транзитной страны», сродни тем, что проявились в последние годы на Украине, только дополненными корейской спецификой. Остается также неясной платежеспособность КНДР, не говоря уже о том, что основное финансовое бремя реализации инфраструктурных проектов в любом случае пришлось бы взять на себя России.

Между тем списание долга Пхеньян может занести в свой актив, поскольку связанные с этим дискуссии о необходимости реанимации двухсторонних экономических отношений оказываются весьма кстати. Позитив для КНДР связан с тем обстоятельством, что принятое Москвой решение произошло на фоне резкого охлаждения российско-американских отношений, что дает КНДР надежду на преимущественное взаимодействие с Россией и США в двухстороннем формате, а значит – расширяет для северокорейской дипломатии возможности для маневрирования. Кроме того, у северокорейской администрации появляется шанс использовать пусть и гипотетическое расширение доверительных связей с Россией в качестве аргумента, усиливающего позиции КНДР в отношениях с Китаем. Однако подобные действия способны принести лишь ограниченный результат и не в состоянии кардинально повлиять на приоритеты региональных держав на Корейском полуострове.

Принять решение о списании долга Москву подтолкнуло

осознание ограниченных экономических возможностей КНДР. Однако едва ли это само по себе достаточное условие для активизации масштабной инвестиционной деятельности России на Корейском полуострове.

Таким образом, исходя из своих стратегических интересов, Россия выступает поборником всестороннего развития межкорейских отношений и, в перспективе объединения Кореи. В нынешних условиях глубина экономических и политических отношений, степень гуманитарных и культурных связей, а также достигнутый уровень доверия сложившиеся между Москвой и Сеулом гораздо глубже и прочнее, чем между Москвой и Пхеньяном.

Помимо укрепления двухсторонних связей с корейскими партнерами перед российской дипломатией стоит сложная задача поиска эффективного формата межкорейского диалога и более широкого международного сотрудничества на Корейском полуострове с участием региональных держав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политические процессы в СВА и перспективы межкорейских отношений

Политическая ситуация в СВА остается неустойчивой, напряженность в отношениях между странами региона стала хронической, хотя острота политического противостояния сменяется периодами относительного затишья. Сложившиеся условия неблагоприятно отражаются на возможности поиска урегулирования политических и экономических проблем на Корейском полуострове. В свою очередь политическая нестабильность в межкорейских отношениях грозит возникновением нового кризиса, в который могут быть вовлечены региональные державы. Поэтому решение вопросов обеспечения мира, безопасности и регионального сотрудничества неизбежно связывается с улучшением ситуации на Корейском полуострове. Это означает, что корейское направление остается в числе приоритетных интересов региональных держав, включая Россию.

Перспективы СВА не однозначны, регион стоит перед выбором: дальнейшая напряженность между региональными державами или перспектива поиска взаимных компромиссов и путей укрепления международного сотрудничества. Исход этой дилеммы во многом определит перспективы развития межкорейских отношений и возможность объединения Кореи. Во всяком случае, есть основания, хотя бы в самом общем виде, очертить два возможных сценария.

Согласно *Первому сценарию* велика вероятность продолжения политической неустойчивости при отсутствии в регионе общего согласия о единых принципах безопасности, которые будут заменять или дополнять действующие военно-политические союзы: США – Республика Корея, США – Япония, КНР–КНДР. Продолжится политическое противостояние и территориальные споры между Пекином и Токио, сохранится антагонизм между Вашингтоном и Москвой в свете конфликта на Украине. В результате, возможности для диалога между ведущими державами по вопросам корейского урегулирования, как на региональном уровне, так и в рамках глобальных институтов (прежде всего в ООН) будут существенно ограничены, а эффективность принимаемых по этому поводу

решений существенно снижена.

Хотя вероятность реализации на практике первого сценария достаточно велика, существуют возможности для развития событий по *Второму сценарию*. В этом случае взаимодействие стран региона предполагает преобладание прагматичных отношений. Побуждать их действовать в этом ключе станет озабоченность схожими угрозами безопасности, такими как нераспространение ядерного арсенала и оружия массового уничтожения. Кроме того, фактором, сближающим позиции стран региона, может стать экономическая взаимозависимость и стремление поддержать устойчивое развитие, опираясь на участие в интеграционных связях. В этих условиях региональные державы будут склонны к поиску взаимных компромиссов. Примером прагматичного подхода к решению общих внешнеполитических задач может быть сотрудничество Вашингтона и Москвы в транспортном обеспечении через территорию России американских войск и их союзников, находившихся в Афганистане.

Принимая во внимания упомянутые сценарии развития ситуации в США, можно высказать предположения о возможных вариантах развития межкорейских отношений. В случае сохранения напряженности, велика вероятность закрепления за двумя корейскими государствами роли *буферной зоны*, разделяющей с одной стороны военную инфраструктуру США и Японии, с другой стороны – КНР и России. При альтернативном развитии событий межкорейские связи, а в перспективе и объединенная Корея – получают *шанс стать медиатором* в отношениях между региональными государствами. Это значит, что Корейский полуостров в нынешних условиях стоит перед историческим выбором.

В первом случае Корейский полуостров в очередной раз в своей истории окажется на передовой линии противостояния между двумя группами государств. Это грозит не только закреплением за корейцами статуса разделенной нации, но и неизбежной потерей благ, которые могут принести развитие кооперации с соседними державами.

Альтернативный сценарий открывает реальные возможности объединения Кореи и превращения Корейского полуострова в ключевой элемент региональной безопасности, перекресток потока товаров, инвестиций, услуг и технологий, а также центр культурного

и гуманитарного взаимодействия. В этом случае объединенная Корея в полной мере может стать посредником в отношениях между соседними государствами и США.

Межкорейские отношения в области политики и экономики могут развиваться с разной степенью интенсивности, а, значит, возможно возникновение дисбалансов, способных дестабилизировать ситуацию и спровоцировать возникновение конфликтных ситуаций. Это обстоятельство усиливает востребованность конструктивного участия региональных держав, способных совместными действиями сгладить негативные процессы и поддержать стабильность на Корейском полуострове, тем самым обеспечивая продолжение процесса последовательного сближения Севера и Юга Кореи, которое в конечном итоге должно завершиться появлением объединенной Кореи, способной стать конструктивным партнером для всех региональных держав.

Приоритеты и возможности двух корейских государств

Правительство КНДР 7 июля 2014 г. выдвинуло предложение о путях воссоединения родины, которое должно гарантировать «сосуществование, совместное процветание и общие интересы» Севера и Юга. Объединение Кореи предполагается реализовать «на основе создания федерации», подразумевающей «сосуществование двух разных социальных систем и идеологий». Выполнение этой задачи подразумевает, по замыслу Пхеньяна, отказ от конфронтации и вражды, а также зависимости от внешних сил.⁸

Выдвинутое КНДР предложение об объединении явно представляет собой скоропалительную реакцию на итоги *июльского Сеульского Саммита* лидеров КНР и Республики Корея и имеет две существенные слабости. Во-первых, его содержание выглядит позаимствованным из внешнеполитического арсенала Северной Кореи тридцати, а то и сорокалетней давности. Это предложение не учитывало уже тогдашние реальности, а в настоящее время оно выглядит абсолютно архаичным и оторванным от жизни.

Во-вторых, предложение об объединении выдвинуто правительством, т.е. органом, играющим в политической жизни КНДР символическую, если не декоративную роль, а не Ким Чен

---

⁸ www.news.mail.ru/politics/18789292/

Ыном, первым и единственным лицом в государстве, принимающим принципиальные решения, касающиеся как внутренней, так и внешней политики. Между тем сам Ким Чен Ын выступает преимущественно с воинственными речами. Уже вскоре после заявления северокорейского правительства были проведены очередные пуски ракет малой дальности в сторону Японского моря. Тем самым озвученные предложения можно отнести скорее к числу пропагандистских, а не внешнеполитических шагов.

Дипломатическое содержание выдвинутого северокорейским правительством предложения подразумевает надежду на долгосрочные и невразумительные по своему существу переговоры, главная цель которых – затяжка времени и получение финансовой и материальной помощи в качестве платы «за конструктивный диалог». Однако едва ли такой подход встретит позитивный ответ внешних партнеров. Таким образом, выдвинутое предложение может говорить либо о недостаточной проработке подготовленных в Пхеньяне внешнеполитических документов, либо о преследовании каких-то иных тактических целей.

Обращает на себя внимание тот факт, что северокорейское предложение прозвучало после прошедших переговоров между КНР и Республикой Корея в Сеуле, а также между КНДР и Японией в Пекине. Итоги этих переговоров можно охарактеризовать как успешные для Пхеньяна и Сеула. Однако, если для КНДР успех в виде уступок со стороны Японии, согласившейся ослабить свои санкции, можно отнести к числу *тактических* удач, то успех Республики Кореи, обеспечившей значительное укрепление своих всесторонних отношений с Китаем, носит именно *стратегический* характер.

Главный вывод о существовании северокорейской позиции в отношении перспективы межкорейских отношений состоит в том, что режим Ким Чен Ына не готов ни к внутренним системным преобразованиям, ни к внешнеэкономическим реформам, довольствуясь лишь созданием анклавных очагов коммерческой деятельности при участии иностранных партнеров, например, Кэсонского промышленного парка и специальной зоны Ранджин-Сонбон. Ключевой и единственной целью функционирования этих территориальных образований является не интеграция северокорейской хозяйственной системы в региональную и мировую экономику, а также не отработка управленческих механизмов, которые могли бы быть использованы на государственном уровне, а

банальное получение валютных поступлений, для реализации задачи удержания у власти правящей верхушки.

Все это позволяет сделать вывод о том, что режим Ким Чен Ына не имеет в своем распоряжении развитых институтов, позволяющих выстраивать дееспособные отношения с Республикой Корея и не готов пойти на внутренние перемены, которые помогли начать сближение с южнокорейской стороной, обеспечивающее постепенную адаптацию социально-экономических систем Севера и Юга Кореи.

При этом стремление сохранить союзнические отношения с Китаем, дополнив их восстановлением партнерских связей с Россией и сближением с Японией способны решить лишь отдельные текущие конъюнктурные проблемы, оставляя без ответа вопросы стратегического будущего КНДР. Тем самым роль Севера в межкорейских отношениях и вероятном объединении Кореи остается зависимой от непредсказуемости внутренней социально-политической ситуации и вероятной внешней реакции на процессы в северокорейском обществе со стороны Юга, а также региональных держав.

В этих условиях возрастает ответственность **Республики Корея** за принимаемые решения, как в рамках межкорейских отношений, так и в отношениях с региональными державами. Принятый на вооружение администрацией Пак Кын Хе курс на сбалансирование внешней политики (*Eurasia initiative* и *Trustpolitik policy*) закладывает стратегическую основу для будущего объединения Кореи.

Внешнеполитический курс президента Пак Кын Хе выдержал серьезную проверку в 2014 г. Постепенно формируется новая континентальная ментальность южнокорейской дипломатии, которая заменяет дипломатическую островную ментальность, которая предусматривала безальтернативную ориентацию на внешнеполитическую стратегию США. В практическом выражении современная внешнеполитическая концепция обеспечила не только расширение многогранных политических и экономических обменов Республики Корея с Китаем и Россией, но, главное, укрепление политического доверия к Сеулу со стороны «северных соседей». Это привело к тому, что Пекин и Москва с большим позитивом воспринимают идею объединения Кореи не только в отдаленно-

теоретическом плане, но и в конкретно практическом контексте, хотя многие аспекты этого процесса с точки зрения Китая и России еще требуют тщательного изучения и всесторонних консультаций со всеми заинтересованными сторонами.

Вместе с тем *Eurasia policy*, проводимая администрацией Пак Кын Хе еще должна пройти проверку на прочность в ходе американо-южнокорейского диалога. Вашингтону еще предстоит в полной мере осознать, что Сеул не ставит под сомнение двухсторонний военный и политический альянс США и Республики Корея. Сеулу же придется продемонстрировать, что перебалансировка южнокорейской внешней политики не приведет к усилению позиций Китая и России в ущерб США. По своей сущности *trustpolitik* представляет собой призыв к компромиссу при обсуждении путей поэтапного углубления межкорейских отношений, развития интеграции Севера и Юга и, наконец, объединения Кореи. Все это подразумевает активные консультации с участием региональных держав, которые позволили бы найти политические и экономические решения, устраивающие все заинтересованные стороны.

Пока предложенная администрацией Пак Кын Хе концепция выглядит не полной. Она нуждается в концептуальной завершенности, что подразумевает создание конкретного переговорного механизма по корейскому урегулированию. В нынешних условиях такой переговорный механизм представлен «шестисторонними переговорами» с участием двух корейских государств, а также Китая, США, России и Японии. В действительности саботаж проведения этих переговоров Пхеньяном делает их на практике недостаточно продуктивными. Отсюда – насущная потребность в модификации переговорного механизма с учетом сложившихся политических реалий. Одним из возможных решений мог бы стать формат «5+1», который в случае необходимости трансформировался бы в «пятисторонние» переговоры по ситуации на Корейском полуострове.

Пока региональные державы существенно расходятся в оценке перспектив возобновления многосторонних переговоров по проблемам Корейского полуострова. В этих условиях Республика Корея в состоянии выполнить необходимую координирующую роль, способствуя укреплению доверия и содействуя конструктивному участию в урегулировании ситуации на Корейском полуострове Северной Кореи и региональных держав.